

Валерия Вербинина

Сиреневый ветер
Парижа

Ключи судьбы

Валерия Вербинина

Сиреневый ветер Парижа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948355

Сиреневый ветер Парижа : роман / Валерия Вербинина: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58619-6

Аннотация

Скромная учительница французского Вероника Бессонова предвкушала поездку в Париж в обществе любимого человека, но приятного путешествия не получилось – вскоре после приезда она очнулась в багажнике незнакомой машины. Парень, который угнал авто у владельца и выпустил пленницу, заявил, что знает, кто она такая... Вернувшись в гостиницу, Вероника не поверила своим ушам: она якобы недавно побывала здесь и забрала свои вещи, а ее спутник бесследно исчез. Потом последовали покушения на ее жизнь... Как выяснилось, одна известная всему криминальному миру преступница решила исчезнуть, оставив вместо себя двойника – удивительно похожую на нее Веронику. Казалось бы, теперь у беззащитной учительницы нет шансов на спасение! Однако вскоре у нее появился персональный ангел-хранитель...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	33
Глава седьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерия Вербинина

Сиреневый ветер Парижа

*Этот роман является вымыслом от первого до последнего слова.
Все персонажи, имена, действия и разговоры придуманы
автором.*

Любые совпадения с реальностью – не более чем случайность.

Глава первая

*Нет лучше отдыха, чем бессознательное состояние.
Морис Леблан. Графиня Калиостро, IV*

Что это, что это, что это? Скажи, скажи, скажи. Голоса, звуки, музыка – все сливается в бессвязный гомон, плывет, волнами невнятицы перекачивается через меня. Да, это тело, которое я едва ощущаю, – мое; внезапно я начинаю задыхаться, сердце частит так, будто хочет вырваться из груди, я хватаю ртом воздух, и дикий, нечеловеческий ужас захлестывает меня. Я умираю... Нет, не умираю: сердце бьется уже не так иступленно, спазм в горле прошел, и я больше не хриплю надсадно, судорожно заглатывая живительный кислород. Перед лицом маячит пестрое месиво: пятно темное, пятно светлое, пятно красное. Глаза... Не знаю как, но я чувствую, что на меня смотрят. Что-то исподволь проясняется в окружающем мире, и красное пятно превращается в футболку с неразборчивой надписью. Я смотрю на эту надпись и понимаю, что не понимаю ничего.

Первый голос в вышине – ярость, страх, раздражение – произносит:

– Ну конечно, она мертва, черт побери!

«Она» – это, вне всяких сомнений, я, хотя в это мгновение я уже знаю (почти наверняка), что говорящий ошибается насчет моего состояния. В сущности, я на него не в обиде. Я слышу, следовательно, существую, и никто на свете не убедит меня в обратном. Музыка врывается в мои уши. Я перевожу взгляд и замечаю, что красная футболка несет на плече длинный, как удав, магнитофон. Он ревет, изрыгая судорожный речитатив под музыку – рэп. Никогда не любила рэп, но, согласитесь, это все-таки лучше, чем похоронный марш Шопена. Значит, я и впрямь жива, но есть вопрос, который в данный момент больше всего интересует меня: насколько?

– Надо же было так подставиться! – насмешливо рокошет второй голос. – Спереть тачку со свеженьким трупом! Ничего умнее вы не могли придумать, а?

Я открываю рот и хриплю, энергично протестуя против того, чтобы меня записывали в покойники.

– Дидье! Да она живая! – вопит тот, кого я для себя определила как светлое пятно. Теперь оно стало немного четче. Это парень лет восемнадцати, чем-то неуловимо смахивающий на ягненка. У него золотистые волосы и такой же пушок над верхней губой. Честно говоря, приятно увидеть такое лицо, возвращаясь с того света.

– Ты что, сдурел? – огрызается первый на замечание того, кого я окрестила «ягненком».

– Она шевелится! – упорствует он, оборачивается к «футболке» и орет, перекрывая рев музыки: – Эй, Тиаго! Вырубай свою шарманку!

Тиаго бросает ему какие-то слова, которых я не разбираю. Только тут я замечаю, что весь разговор идет по-французски.

Конечно! Ведь я в Париже, как я могла об этом забыть? Сегодня пятница, я прилетела сюда вместе с Денисом, и это мое первое путешествие во Францию, потому что раньше я бывала только в Греции и Испании. Нет слов, Греция – очень приятная страна, и Испания не хуже, но я всегда мечтала именно о Франции, и наконец-то все срослось как надо, и Денис смог выкроить время, и у нас были действующие визы еще с прошлой поездки. Париж оказался именно таким, каким я хотела его видеть, – волшебным, солнечным, искрящимся, по Сене плыли кораблики, набитые туристами, на бульварах цвели каштаны, и мне казалось, что вокруг меня оживают легенды, которыми в моем воображении оброс этот чудесный, почти что сказочный город. Мы оставили наши вещи в гостинице, а потом...

Потом в моей памяти зиял провал, и, как ни старалась, я не могла соединить концы с концами и связать прилет, каштаны, зеленые воды Сены с нависшими над ними мостами, свое утреннее упоение, знакомое всякому, чья давняя мечта сбывается, и мое нынешнее жалкое состояние.

Что происходит?

Где Денис?

И как, черт возьми, мне теперь выпутываться из всего этого?

Лежать было ужасно неудобно. Собственно говоря, я только сейчас заметила, что лежу на боку, скрючившись в неестественной позе. Я шевельнулась, и боль шевельнулась вместе со мной. Она молнией вспыхнула в теле – и угасла, но я не смогла удержать стоны.

– Похоже, она живая, – бормочет неуверенный голос надо мной.

Я с усилием приподнимаю голову. Этого я еще не видела. Щуплый подросток с бледным настороженным лицом смотрит на меня как на привидение. Музыка больше нет, музыка умерла. Я даже не заметила, как она умолкла.

– Что делать-то будем? – раздраженно спрашивает первый.

Тиаго – тот, что в красной футболке, – насмешливо фыркает и сплевывает себе под ноги. Четверо остальных застыли в растерянности. Их контуры расплываются, поэтому, чтобы успокоиться и собраться с мыслями, я закрываю глаза.

Этот запах... Запах кожи и бензина с привкусом пыли. Черт возьми, где же я? Во что я вообще вляпалась?

Я открываю глаза, осторожно пробую пошевелиться – и стукаюсь головой обо что-то металлическое.

– Надо бы с ней поговорить, – произносит второй голос.

Я скашиваю глаза на его обладателя. Насмешник, пару минут назад обозвавший меня «свеженьким трупом», похоже, самый старший в этой компании.

– Вот ты и говори, – бурчит первый.

Насмешник откашливается.

– Мадемуазель! – торжественно начинает он. – Не угодно ли вам...

Тиаго прыскает. Он снова врубает свой магнитофон, но тихо. Удав урчит, вполголоса изрыгая рэп.

И тут я внезапно слышу чей-то чужой, далекий, надтреснутый голос, с усилием выговаривающий французские слова:

– Где я?

Они изумленно переглядываются. Господи, неужели это произнесла я? По их лицам я вижу, что да.

– По-моему, она не в себе, – замечает первый с некоторой опаской и, подкрепляя свои слова жестом, выразительно стучит пальцем по виску.

Ягненок пожимает плечами.

– Если бы тебя оглушили и засунули в багажник...

Запах бензина. Металл. Теснота. Вот, черт возьми, что это значит! Я не могу сдержаться дрожи. Крышка багажника нависает надо мной точь-в-точь как крышка гроба.

– Надо ее вытащить оттуда, – решительно говорит Ягненок.

Он протягивает мне руку, его примеру с секундным опозданием следует Насмешник, который давится фыркающим хохотком. С их помощью я кое-как поднимаюсь и, собрав свои члены (как написал бы член Союза писателей), вылезаю на свет божий. Но ноги у меня подкашиваются, и, когда я чувствую, что стою на твердой земле, силы покидают меня. Я шатаюсь и хватаюсь за плечи Ягненка. Со стороны, наверное, это выглядит смешно. Тиаго прыскает.

– Это ваша тачка? – спрашивает неприязненно первый, вихрастый широкоплечий Дидье, который в их банде, очевидно, считается за главного.

Я оглядываюсь через плечо на ту самую *bagnole*¹, о которой идет речь. Машина как машина – черная, не то чтобы новая, но и не слишком старая. Я ее вижу впервые в жизни и отрицательно качаю головой.

– Нет... Это не моя.

Главарь переглядывается с Насмешником. Оба озадачены и даже не пытаются этого скрыть. По совести, мне бы тоже следовало удивиться, но мне настолько плохо, что на какие-то эмоции просто не остается сил.

– Ну и ну! Вам, можно сказать, повезло! – замечает Насмешник. – Если бы не Роже, этот маньяк за рулем точно бы что-нибудь с вами сделал.

– Заткнись, – блеет тщедушный Роже, до этого почти не подававший голоса. – Может, она из полиции? Может, это вообще ловушка? Лично я сматываюсь отсюда.

– Ну да, – фыркает Насмешник, – легавым надоело, что мы угоняем машины, и они на всякий случай засунули по флику² в каждый багажник. Откуда они могли знать, что ты сопрешь именно эту тачку? Ведь ты и сам не знал этого!

Роже разводит руками.

– И потом, посмотри на нее, – добавляет Ягненок, – какой из нее легавый? На ней лица нет.

Я чувствую, что более-менее сносно держусь на ногах, и спешу убрать руку с его плеча. Итак, положение мало-помалу проясняется. Кто-то оглушил меня и засунул в багажник. Из последовавшей короткой перепалки Главаря, Насмешника и Роже я выяснила, что Ягненок и Роже сначала собирались украсть другой автомобиль, но Роже завозился, и тогда Ягненок посоветовал угнать машину, припаркованную по соседству. С ней возни оказалось гораздо меньше, и ребята пригнали свою добычу сюда. После чего открыли багажник и, к своему немалому изумлению, обнаружили в нем меня. Получается, что банда юных угонщиков спасла мне жизнь, потому что трудно поверить, что кто-то мог засунуть мою скромную персону в багажник с благими намерениями.

– Все это не лезет ни в какие рамки, – бурчит главарь Дидье, не глядя на меня.

Я с ним полностью согласна. У меня немного кружится голова, и я прислоняюсь к машине. Ягненок ободряюще улыбается. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но боюсь, что это выходит у меня из рук вон плохо.

– Что будем делать с тачкой? – осведомляется Насмешник деловито.

– Не знаю. – Дидье бросает на меня хмурый взгляд.

Молчание – золото, но в некоторых ситуациях оно катастрофически обесценивается.

– Послушайте, – говорю я ему, и голос мой еще мелко дрожит от пережитого потрясения, – я не знаю, кто вы, и вы не знаете меня, но, как бы то ни было, я вам очень благодарна. –

¹ Машина, «тачка» (франц. жаргон).

² Полицейский, легавый (франц. жаргон).

Мне не хватает дыхания, но я все же быстро договариваю: – За то, что вы сделали для меня. Я хочу сказать, я не понимаю, что со мной произошло, то есть я совсем не помню, но думаю... наверное, меня хотели убить или что-то в этом роде. А вы мне помогли, да что там – вы мне жизнь спасли, и если вы решили, что я захочу на вас донести полиции, то это вы зря.

– Но вы же обратитесь к ним из-за того, что с вами произошло, – влезает Роже, исподлобья глядя на меня. – И вам придется рассказать им все.

Я представляю себе, как вихрем влетаю в кабинет полицейского комиссара и сразу же, с порога, выкладываю все начистоту:

– Месье! На меня напали, меня оглушили, засунули в багажник и вообще! На мою жизнь покушались! Я требую справедливости! Да здравствуют свобода, равенство и братство!

«Чепуха полная», – кисло подумает воображаемый комиссар. Да и какой-нибудь вполне реальный инспектор, поставленный принимать заявления граждан, тоже вряд ли придет в восторг от случившегося. И хотя я вполне сносно говорю по-французски, потому что изучала его в школе и потом в университете, нам вряд ли удастся найти общий язык. Я чужая, чужая, чужая в этой стране, куда прибыла всего на восемь дней с визитом отнюдь не государственной важности. Тратить время на то, чтобы объясняться с представителями закона, вместо того чтобы гулять по Лувру, посетить Сент-Шапель, подняться на Эйфелеву башню, покататься на кораблике по Сене... И ведь не факт, что в конце концов мне не заявят, что я сама каким-то образом виновата в том, что со мной приключилось. Это очень удобная точка зрения для властей, и не только наших, поверьте.

А если уж быть откровенной до конца: на кой, интересно, французской полиции сдавалась несчастная русская туристка, которую кто-то хотел умыкнуть? У них и без того своих забот хватает.

– Я не думаю, что пойду в полицию, – после небольшого колебания сознаюсь я. – Дело в том, что...

Я умолкаю, пытаюсь подобрать слова, которые могли бы успокоить моих друзей-угонщиков. Неожиданно я ловлю на себе сочувственный взгляд Ягненка. Не знаю почему, но он вызывает у меня больше симпатии, чем остальные.

– Не дави на нее, – говорит он Дидье.

– Я не давлю. – Дидье неуклюже поводит своими широкими плечами. – Значит, вы не против, если мы заберем тачку?

Это становится забавным, но я поспешно прячу улыбку.

– Да ради бога!

– Вот и прекрасно, – замечает Насмешник.

Ягненок заглядывает в багажник, достает оттуда какой-то предмет и оборачивается ко мне.

– Ваша сумка, мадемуазель. Вы ее забыли.

Я с удивлением смотрю на него, потом перевожу взгляд на то, что он держит в вытянутой руке. Нет, это не моя сумка. Я люблю сумки миниатюрные, абсолютно непрактичные, в которые ничего, кроме кошелька и ключей, не поместится, – а эта объемистая и, судя по всему, отнюдь не пустая. Моя сумочка к тому же новехонькая, из кожи цвета кофе с молоком, а эта черная, старая, с потертыми углами. Мне, однако, не хочется обижать славного парня, и я молча беру сумку. Она оказывается тяжелее, чем я предполагала. Неожиданно мне приходит на ум, что эта сумка может иметь отношение к человеку или людям, которые меня похитили, но я подавляю в себе искушение немедленно начать копать в ней. Потом, когда я выберусь отсюда. И, кажется, я готова пересмотреть свои взгляды на возможность общения с местной полицией.

Тиаго недалеко от нас снова врубает магнитофон на полную мощность и сам с собой пританцовывает на песке. Я оглядываюсь и впервые замечаю, что уже наступил вечер. Место, где я нахожусь, вполне заслуживает названия «помойка». Это захламленный пустырь на задворках бедного квартала, застроенного дешевыми однотипными домами, в которых ютятся люди, которые перебиваются как могут, и не всегда законными методами. Многие из них – мигранты, которые были вынуждены покинуть свою страну в поисках работы, и я готова поклясться, что родители обладателя португальского имени Тиаго приехали из солнечной Португалии вовсе не из-за того, что там испортилась погода.

Мои мысли прерывает Дидье, который подошел ко мне вплотную и что-то говорит, но я не могу сосредоточиться на словах, которые он произносит. Потеряв терпение, он встряхивает меня за плечи.

– Эй, вы! Зарубите себе на носу: вы нас не знаете, не видели и слыхом о нас не слышали. Ясно? Не то я живо с вами разберусь!

Все понятно: ему надо показать свой авторитет перед остальными. Я послушно киваю, показывая, что все поняла, и вовсе не собираюсь лезть на рожон.

– Можно спросить? – решаюсь я.

– О чем?

– Где я нахожусь? Что это вообще за место?

– Э, нет, так дело не пойдет! – возражает Дидье. – Мы тебя вытащили, так что теперь выкручивайся сама, крошка. Какая я крошка? Ему лет двадцать, может быть, двадцать два, а мне уже стукнуло двадцать семь. Впрочем, во Франции могут назвать крошкой и в сорок лет, и ничего обидного в этом слове для них нет.

Насмешник уже сидит за рулем и строит мне гримасу. Я вяло улыбаюсь ему. Тиаго выключает магнитофон и прыгает на заднее сиденье, Роже забирается следом.

– По крайней мере, это Париж? – спрашиваю я удаляющуюся спину Дидье.

– Лучшая помойка во всем Париже! – отвечает он гордо. Надо отдать должное французам: они никогда не боятся называть вещи своими именами.

– А метро тут есть? Поезд? Автобус? Что-нибудь?

– Я не гид! – кричит он, усаживаясь рядом с Насмешником. – Пока, детка, и держись подальше от маньяков!

Сидящие в машине раздражаются хохотом.

– Вам надо в метро? – спрашивает меня Ягненок.

Он единственный остался рядом со мной на этой загаженной свалке. Я утвердительно киваю. Метро и в самом деле мне не помешает – я вспомнила название нашей гостиницы и то, что она находится в пяти минутах ходьбы от одной из станций, это было написано еще в Интернете, когда мы заказывали номер.

– Эй, Ксав! – орет Дидье, высовывая голову наружу. – Ты чего там копаешься? Пошевеливайся, Азиз нас заждался! Я обещал ему пригнать тачку к восьми, а сейчас уже почти девять.

Машинально я вскидываю левую руку, чтобы взглянуть на свои часы. То, что я вижу, настолько выбивает меня из колеи, что на какое-то время я напрочь теряю способность рассуждать. Часов на моей руке нет. Вместо них выше запястья находится сложная пестрая татуировка в виде браслета из переплетающихся линий и тщательно выведенной надписью поверх них. Кожа вокруг татуировки покраснела и отчаянно саднит.

Я столбенею. Я никогда не делала татуировок, слышите? Никогда! Откуда же она могла взяться?

Похоже, что я действительно стала жертвой какого-то извращенца. Сначала он оглушил меня, потом сделал на руке татуировку. Рисунок очень красивый, мастерски выполнен-

ный – вряд ли его могли сделать за пять минут. И что же, все это время я так и была в отключке?

И тут Шерлока Холмса осенило. Меня осенило, хотя и с опозданием. Это жуткое ощущение, когда я приходила в себя, ощущение, что ты находишься на границе яви и небытия, не могло появиться само по себе, оно должно было иметь вполне определенную причину. Я закатала рукав джинсового пиджака и обнаружила две крошечные точки ниже локтя. Вот оно что: похоже, мне ввели какой-то наркотик.

Тут мне в голову пришла еще более скверная мысль. Просто удивительно, как она не посетила меня раньше, но теперь, признаться, она очень меня занимает. Интересно, изнасиловали меня или нет? Самолет приземлился около десяти, в гостиницу мы прибыли, скажем, в одиннадцать, а сейчас уже девять вечера. Десять часов – достаточный срок, чтобы сделать с незащищенным человеком все, что угодно. По моему позвоночнику проходит неприятный холодок.

Ягненок, который, как оказалось, отзывается на имя Ксавье, о чем-то препирается с Главарем. Я медленно опускаю рукав и подскакиваю как ошпаренная. Боже мой! Боже мой, ведь я вспомнила, в чем улетала из Шереметьева! На мне были зеленая ветровка, пестрая юбка и черная майка. Но сейчас я вовсе не в этом. На мне джинсовый брючный костюм и белая майка. И еще: я была в туфлях на небольшом каблуке, а теперь на мне кроссовки, и к тому же, кажется, на размер больше, чем я привыкла носить. Обувь болтается на ногах, поэтому мне так неудобно стоять, – но меня интересует только одно: что, черт возьми, означает весь этот балаган?

У меня нет времени найти ответ или подыскать хоть сколько-нибудь удовлетворительное объяснение. Симпатичный Ксавье возвращается ко мне. Он немного смущен, но изо всех сил пытается держаться раскованно.

– Пойдемте, – говорит он, – я вас провожу. Вы, наверное, впервые в наших краях.

– Это очень любезно с вашей стороны, – вырывается у меня. Честно говоря, я не ожидала такого.

Черная машина дает задний ход, разворачивается и исчезает в облаке пыли, оставив после себя массу неразрешимых загадок и вопросов, на которые я не нахожу ответов. На небе над пустырем тянутся широкие полосы алеющих облаков – солнце уползает за горизонт, типичный парижский закат в импрессионистских тонах. Я скидываю на плечо сумку, дав себе слово при первой возможности ознакомиться с ее содержимым.

– Сюда, – говорит Ксавье.

Я покорно иду за ним, огибая кучи мусора. На одной сидит рыжая кошка с вздыбленной шерстью и таращится на меня зелеными глазищами. Не знаю почему, но Ксавье внушает мне доверие.

– Вы на них не сердитесь, – говорит этот юноша примирительно. – Они нормальные ребята, но соображают туго.

– Да ну?

– Да.

Свалка осталась позади. Мы идем какими-то проходными дворами. Надо отдать должное Ксавье, он превосходно ориентируется в их лабиринте. Время от времени он поглядывает на меня. Я вижу, что ему хочется меня расспросить, но он не решается. Я иду ему навстречу.

– Вас зовут Ксавье, верно?

– Верно. А вы – Вероника, да?

Я поражена. Любопытно, откуда он это знает? Вряд ли он сумел спросить мое имя, когда я без чувств валялась в багажнике. Интересно, интересно.

– Да, я Вероника. А...

– Да вы не бойтесь, я никому не скажу. Я ведь сразу вас узнал. Ну, может, не сразу, а практически сразу. Ведь вы Вероника Ферреро.

Глава вторая

– Теперь мы, по крайней мере, знаем, на чем стоим.

– Угу. А еще – где скоро окажемся.

Рекс Стаут. Праздничный пикник, 5

Меня зовут Вероника Бессонова, мне двадцать семь лет, я живу в самом обычном российском городке и, кажется, только что обнаружила, что дорого заплатила бы, чтобы никогда отсюда не уезжать. Мой рост – метр семьдесят, объем груди – фиг два я вам его скажу, волосы темные, глаза карие, черты лица ничем не примечательные; встречаются и похуже, встречаются и получше (впрочем, таких, которые похуже, все-таки больше, чем таких, которые получше, но это уже мое собственное, предвзятое и субъективное мнение). Сама себя я считаю вполне на уровне, хотя и допускаю, что вы можете не разделять мою точку зрения; но на всем остальном я решительно настаиваю, и меня потребовалось бы стукнуть по голове гораздо сильнее, чтобы я ухитрилась забыть свое имя.

Уверенность Ксавье позабавила меня. В слове «позабавила» нет ничего плохого. Ксавье был симпатичный, славный на вид юноша, из тех, кого, едва познакомившись с ними, так и тянет погладить по головке. Он разговаривал со мной почтительно, как, скажем, со старшей сестрой, и, не скрою, меня это тронуло.

– Значит, ты меня знаешь! – заметила я, даже не давая себе труда скрыть иронию в голосе.

– Кто же вас не знает, – ответил он так серьезно, что мне даже расхотелось над ним подтрунивать. – По правде говоря, я отчасти ваш поклонник.

– Да? – только и смогла вымолвить жертва недавнего нападения.

– Да, – подтвердил мой собеседник, – я в Интернете все про вас читаю, вырезки собираю, ну и... – Он смеялся и сделал рукой неопределенный жест. – Ну и всякое такое.

Это уже становилось любопытным.

– Если честно, я рад, что там, в багажнике, оказались вы, – продолжал этот бесхитростный юноша. – Я никогда не думал, что вот так, ну, запросто смогу с вами встретиться.

– Я тоже, – отозвалась я довольно-таки двусмысленным тоном. – Скажи, а остальные тоже обо мне знают?

Он остановился и с некоторым (как показалось мне) испугом посмотрел мне в лицо.

– Да нет! Что вы! Они и понятия о вас не имеют. Дидье вообще газет не читает и за новостями не следит. Представляете, он решил, что вы можете обратиться в полицию. Я чуть от стыда за него не умер, ей-богу. Подумать такое – о вас!

Мне нечего было сказать. Парень явно принимал меня за кого-то, о ком я не имела ни малейшего понятия, и я решила сменить тему разговора.

– Мы идем к метро? – осведомилась я.

Ксавье пожал плечами.

– Куда хотите. А вы не боитесь?

– Чего? – уже сердито спросила я.

– Ну... Что вас узнают. Я слышал, вы в бегах.

– Я?!

– Ну да, ведь принц смылся. Уж как его охраняли, а он все равно удрал. Это правда, что у вас с ним был роман?

Меня разобрал смех. В моей жизни никогда не было никого, хотя бы отдаленно похожего на принца. Даже Денис и тот не тянул на это почетное звание, чего уж там!

При мысли о Денисе я почувствовала укол совести. Какой ерундой я тут занимаюсь – а он, наверное, уже с ума сходит, недоумевая, куда я могла запропасться. Может быть, он уже обратился в полицию и на ломаном английском пытается объяснить, что его спутница куда-то пропала. Хотя нет, какая полиция? Наверное, он решил, что я сверх меры увлеклась шопингом. Может же такое случиться с девушкой, впервые в жизни попавшей в Париж?

– Послушай, Ксавье, – сказала я серьезно. – Ты славный парень, но, честное слово, ты меня с кем-то путаешь.

Он с опаской посмотрел на меня. Нет, мне не почудилось: по его лицу и впрямь проскользнуло облачко чего-то очень похожего на сдержанный страх.

– Вас трудно с кем-то спутать, – сказал он наконец, пожимая плечами. – Впрочем, как хотите. Но вы зря мне не доверяете, все знают, что на меня можно положиться.

– В данный момент, – объяснила я, – я не доверяю никому. Со мной такое произошло...

Ксавье одобрительно кивнул своей золотистой головой.

– Это верно. Вам здорово повезло, что мы с Роже догадались спереть именно ту машину. Думаете, это были спецслужбы?

– Зачем я им нужна? – раздраженно вырвалось у меня.

Мой собеседник снова кивнул.

– Значит, люди принца. Я так и думал. Спецслужбы же не станут перевозить человека в багажнике, верно?

Голова моя уже шла кругом, но тут на меня снизошло озарение. Разумеется, парень меня с кем-то перепутал, но он явно был полон сочувствия и желания помочь. Грех было бы этим не воспользоваться.

– Слушай, Ксавье, – начала я, – ты ведь умный парень, верно?

– Я? Ну вроде как не дурак, – немного помедлив, отозвался он.

– Когда вы там, на пустыре, разговаривали... Я имею в виду, обсуждали, что нашли меня в багажнике. Так вот, один из вас среди прочего сказал что-то такое про «маньяка за рулем». Он это просто так сказал или вы действительно видели человека, которому принадлежит машина?

– Ну, – протянул Ксавье, – вообще все было так: мы начали высматривать тачку, Роже стал с ней работать... он по замкам спец, любые замки, сигнализация, и не только машины, вообще все, что угодно... А потом подъехала другая машина, черная. Мы пригнулись, чтобы нас не увидели. Человек, который сидел за рулем, вышел... У Роже с замком не ладилось, я сказал – давай лучше сопрем ту тачку, она дороже. Так мы ее и угнали.

– То есть получается, что ты видел водителя, верно?

– Ага, – подтвердил он со счастливой улыбкой.

– Он был в машине один, никого с ним не было?

– Да.

– Можешь сейчас мне его описать?

Ксавье ненадолго задумался.

– Знаете, все это произошло очень быстро.

– Постарайся. Для меня.

Все-таки он действительно был похож на ягненка. Он метнул на меня застенчивый взгляд сквозь золотистые ресницы.

– Возраст? – подбодрила я его.

– Лет тридцати. Хотя нет, погодите. От тридцати двух до тридцати пяти, я так думаю, – поправился он.

– Белый?

– Точно.

– Блондин? Брюнет?

– Блондин, да. – Ксавье смотрел на меня со все возрастающим восторгом. – Вы его знаете, точно?

Я покачала головой.

– Нет. Нос, глаза, что-нибудь особенное – ничего не заметил?

– Нос как нос, глаза как глаза, – после недолгого молчания выдал Ксавье. – Одет в обычный костюм, кажется, серый. Да нет, не было в нем ничего особенного, Вероника.

– Худой? Толстый?

– Во-во, – закивал Ксавье, – худой. И рожа тощая.

Учитывая, сколько в Париже худых блондинов в серых костюмах, мои шансы отыскать похитителя стремительно приближались к нулю.

– Может, у него были шрамы, родинки? Ну, или там татуировки? Хоть что-нибудь?

– Да не заметил я ничего такого, – с досадой ответил Ксавье. – Если бы я знал, что это будет так важно, я бы хорошенько его рассмотрел. Но я же не знал!

– Да ладно, ничего, – постаралась я его успокоить. – Я тебя ни в чем не виню.

Ксавье насупился.

– Если честно, он не очень на француза был похож, – сказал он наконец. – Скорее уж на немца какого-нибудь.

Гм. Гастролер из Германии приезжает в Париж, чтобы сделать татуировку русской туристке, которая его вовсе об этом не просила. Я почувствовала, что меня разбирает смех, и, не удержавшись, фыркнула.

– Над чем вы смеетесь? – проворчал Ксавье. – Он ведь наверняка убить вас хотел. Странное у вас, террористов, чувство юмора...

– У кого? – подпрыгнула я на месте.

Ксавье изменился в лице и даже отшатнулся.

– Вероника, простите. Я и в мыслях не имел вас обидеть, просто с языка сорвалось.

– Ты меня не обидел.

Так-так. Стало быть, из безобидной туристки я уже успела превратиться в террористку. Неплохое продвижение по карьерной лестнице, как выразилась бы одна моя знакомая с внешностью танка и хваткой бультерьера. Впрочем, ее танк давно подорвался на неудачном браке с товарищем, который оттяпал у нее квартиру (одну из двух, которые имелись в наличии) и машину, после чего бультерьер превратился в безобидную слезливую болонку и стал названивать мне с душераздирающими подробностями того, как этот бесконечно привлекательный, но еще более бесконечно мерзкий и расчетливый Гарик ее кинул. Я честно выслушивала ее излияния, но про себя думала, что она получила именно то, что заслужила. Мораль: никогда не жалуйтесь на свои неудачи женщинам, которым вы до этого заявляли: «Зря ты обхаживаешь Дениса, он все равно на тебе не женится, ему мамаша не позволит».

– Не подумайте ничего дурного, я действительно вами восхищаюсь, – после небольшой заминки продолжал Ксавье.

– Я вижу, – отрезала я.

– Нет, правда. Как вы сбежали из той тюрьмы в Панаме, взорвав стену... Это просто здорово!

Я деликатно кашлянула, чтобы скрыть смущение. Черт меня подери, если я когда-нибудь была в Панаме. Черт меня подери, я, кажется, стала слишком много чертыхаться.

– Можно вас спросить? – робко начал Ксавье, когда мы свернули на большую улицу, сверкавшую огнями. Навстречу нам попадалось все больше и больше народу.

– Валяй спрашивай.

– Что вы собираетесь сейчас делать?

– Сначала мне надо кое-куда наведаться, – сказала я серьезным тоном, – а потом, наверное, я постараюсь найти этого типа и убить его.

Я и вправду собиралась ехать в гостиницу, но убийство в мои планы не входило. Все, чего мне хотелось, – это скинуть с себя мерзкое чужое тряпье, принять душ и посоветоваться с Денисом. Наверняка он скажет, что можно предпринять в подобном случае, – ведь происшедшее со мной вполне можно квалифицировать как попытку похищения человека. Не говоря уже о наркотиках, татуировке и всем прочем.

Ксавье, однако, мой ответ привел в восторг.

– А принца вы тоже убьете?

– Придется, – серьезно заверила я его, – раз уж без этого нельзя обойтись.

– Я ему не позавидую, – заметил Ксавье.

Он замедлил шаг, и тут я разглядела в нескольких десятках метров от нас вход в метро.

– Вот и метро, – подтвердил мой спутник. – Вы ведь сюда хотели, да?

Я остановилась напротив него. Мне хотелось что-то сказать, и я это сказала:

– Спасибо.

– Не за что, – пробормотал он, смешавшись. – У вас есть деньги?

Деньги! Черт, ведь я даже не знаю, что лежит в этой проклятой сумке. Я распахнула ее и залезла внутрь.

То, что я увидела там, настолько мне не понравилось, что я рывком задернула молнию. Спокойствие. Только спокойствие.

– Черт. Нет.

Ксавье полез в карман так поспешно, что мне стало стыдно.

– Слушай, – сказала я, сердясь на себя и на него, – ты вообще не обязан это делать.

– И все-таки я это сделаю, – сказал он с гордой улыбкой. – Мне потом приятно будет вспомнить, что я вам помог. Вот, держите.

Он сунул мне в руку несколько пестрых бумажек. Евро, всего пятьдесят или шестьдесят. Я медленно скомкала купюры и опустила руку в карман. Дожила – одалживаться у парня, который явно не шикует и к тому же принимает меня за совсем другого человека.

– Я все верну, – пробормотала я, теряясь. – Честное слово.

Ксавье смешался и покраснел.

– Если вы... если вам вдруг понадобится помощь... Мало ли что может случиться! Это мой адрес. – Он назвал мне улицу, дом и объяснил, как туда добраться. – Можно на метро, потом на автобусе. Третий этаж, черная дверь. Это... ну... так, на всякий случай...

Я вздохнула.

– Вряд ли твои родные обрадуются, увидев меня, – заметила я.

– А я сейчас один живу, – с готовностью ответил он. – Мать с отчимом в Лионе, так что вы не стесняйтесь. Мне будет только приятно, если вы меня навестите. Честное слово!

– Мне тоже, – сказала я.

Я знала, что никогда не приду к нему, но он-то не знал этого. И, поскольку все слова были уже сказаны, я быстро поцеловала его в щеку и побежала к пасти метро, как ее называют французы – *la bouche de métro*.

Последнее, что я увидела, сбегая по ступенькам, было его обалдевшее и счастливое лицо – как у человека, сорвавшего джекпот в лотерею. «Бедняга, как он, должно быть, гордится собой», – подумалось мне. Он всерьез считает, что помог выпутаться из большой беды террористке, которой угрожают какой-то принц и весь мир в придачу. В этой поганой жизни людям так не хватает романтики, что они готовы искать ее где угодно, только не там, где она может быть. На миг мне даже стало жаль Ксавье, но, в сущности, я не имела никакого права, морального или иного, осуждать его. Он мне помог, да что там помог – он попросту спас мне жизнь, и то, что он считал, что я – вовсе не я, ничуть не умаляло его поступка.

Вдобавок мне предстояло нечто более важное – разобраться в схеме парижского метро, чтобы добраться именно туда, куда надо. С непривычки сориентироваться в этом переплете-

нии линий не так просто, но главное одно: знать номер линии и конечную станцию направления, в котором собираешься ехать. Билет выбрасывать нельзя, он пригодится на пересадочных станциях, где нередко приходится снова проходить через турникеты, да и контролеров тоже не стоит сбрасывать со счетов. Кроме того, надо следить за синими табличками с названиями станций, потому что далеко не на всех линиях объявляют остановки, и пассажир сам должен определить, где и когда ему выходить. Многие любят сравнивать парижское метро с нашим, но, по-моему, это совершенно ни к чему. Да, парижская подземка отделана куда проще, и мраморных колонн там не встретишь, но зато у них, в отличие от нас, метро состыковано с системой пригородных электричек «RER», что чрезвычайно удобно, если собираешься ехать из Парижа напрямик куда-нибудь в Версаль или в аэропорт имени Шарля де Голля.

Вытащив самую мелкую купюру из тех, что мне дал Ксавье, я купила билет с магнитной полоской и прошла на перрон. Электронное табло показывало, что до прибытия ближайшего поезда оставалось две минуты и несколько секунд. Сумка оттягивала мне плечо, и я с неудовольствием вспомнила о лежавшем в ней сюрпризе. Он был черный и плоский, с тупым рыльцем и приятно охлаждал пальцы. Я никогда не имела дела с оружием, но видела достаточно фильмов и могла отличить, скажем, миксер или зонтик от пистолета, мирно покоившегося в выдавшей виды сумке между моим локтем и правым боком.

Чем дальше, тем запутаннее становилась вся эта история. Садясь в поезд, я приняла твердое решение рассказать обо всем случившемся Денису и, если понадобится, дать знать в наше посольство. Я сделала зарубку в памяти, чтобы не забыть навести справки о типе, которого Ксавье назвал «принцем». Что-то это прозвище мне смутно напоминало, но, в конце концов, в мире столько коронованных особ, что всех и не перечесать, и я отложила дальнейшие размышления до моего возвращения в гостиницу. Поезд летел по рельсам, а напротив меня светловолосая девушка читала первый том романа «Guerre et paix»³ сочинения Леона Толстого.

³ «Война и мир» (франц.).

Глава третья

*Тот, кто торгует динамитом, себя в обиду не даст.
Рэймонд Чандлер. Высокое окно, 7*

Пять месяцев тому назад

Человек, который большинству людей был известен как Принц и которого лишь немногие избранные друзья имели счастье величать при непосредственном общении Максом, сидел за столиком кафе на террасе, с которой открывался великолепный вид на Средиземное море. Вдали, среди ослепительной синевы, виднелся белый парус какой-то яхты, которая плыла, покачиваясь на волнах. Сквозь темные очки Макс машинально следил за этой светлой точкой, не упуская, впрочем, ничего из того, что происходило возле него.

Окажись вы в это мгновение на террасе, вы бы приняли посетителя за столиком за одного из местных жителей, который уже давно привык ходить сюда пить кофе. Вы бы сказали себе, что у него непыльная работа, раз он сидит тут часами, глядя на море и ничего ровным счетом не делая, а стильный хронометр на его запястье подсказал бы вам, что у его обладателя водятся деньги. Быть может, вы бы даже перекинулись с сидящим за столиком парой слов, и он очень любезно ответил бы вам по-английски, по-французски, по-немецки или по-итальянски – в зависимости от языка, на котором заговорили бы вы сами. Допив свой лимонад и почувствовав, что жара спадает, вы бы удалились с террасы и вскоре забыли бы о недавней встрече, не подозревая, что судьба только что свела вас с одним из самых опасных и могущественных людей планеты. И никакая интуиция, на которую так часто ссылаются те, кто на деле начисто ее лишен, не смогла бы подсказать вам разгадку, потому что в облике господина, рассеянно следящего за плывущей вдалеке яхтой, абсолютно ничто не указывало на род его занятий. Поблизости не топталась многочисленная охрана, готовая по первому знаку отдать за него жизнь, а также жизни окружающих, под рукой он не держал ни «калашников», ни пистолет последней модели, ни пульт от атомной бомбы, на худой конец. Просто есть человек на террасе, стройный, высокий (это заметно даже тогда, когда он сидит), черноволосый и черноглазый. На вид молод, лет тридцати пяти или около того, одет во все белое – белый вообще любимый цвет Макса, хотя эта подробность отсутствует в досье спецслужб, которые уже давно и безуспешно на него охотятся.

По всем законам жанра он должен был сейчас находиться в Ираке, где его ищут, или в Таиланде, где его тоже ищут, а он – он здесь, на этом мирном средиземноморском острове, приветливый, открытый, дружелюбный, и хозяин заведения сам носит ему кофе, заваренный так, как любит посетитель, знающий толк в хорошем кофе и оставляющий щедрые чаевые. Но если Макс и был склонен иногда поддразнивать судьбу, почти без охраны появляясь там, где его никто не мог ждать, на самом деле он не расслаблялся ни на минуту и шаги Али узнал еще тогда, когда тот только подходил к террасе.

Невысокий, коротконогий, похожий на колобка, Али бочком пробрался между пустующими столами и плюхнулся на стул рядом с Максом. Тот шевельнулся и бросил на него испытующий взгляд.

– Какие новости? – спросил Макс после того, как мужчины обменялись коротким приветствием.

– Новости? – Али устроился поудобнее и достал ноутбук, с которым никогда не расставался. – Эмин пишет из Сирии, просит подкрепления.

Макс нахмурился.

– Я не разрешал ему туда лезть, – холодно промолвил он. Оба собеседника говорили на диалекте, непонятном местным жителям. – Мы готовим выступление в Европе, а он занимается игрой в бирюльки.

– Это не игра, – рискнул заметить Али. – Эмин, конечно, послушался тебя, но сейчас в Сирии...

– Он подрывает мой авторитет, – мрачно сказал Макс. – Я запретил ему вмешиваться в сирийские дела, и всем об этом известно. Что будут обо мне думать, когда узнают, что мои люди меня не слушаются?

Али покосился на его непреклонное лицо и решил, что настала пора менять тему.

– Вероника написала, что ей нужны деньги, – сказал он. – Она покупает новое оружие.

– Сколько она просит? – деловито спросил Макс.

Его собеседник, вздохнув, назвал сумму.

– Оно что, из золота? – проворчал Макс.

– Нет. Она покупает все как обычно, ну и еще ракетную установку.

– Что? – изумился Макс.

– Помнишь, Вероника все носилась с идеей сбить самолет президента США? Так вот, теперь она нашла подходящее оружие.

– У кого? – недоверчиво спросил Макс.

– У русских, само собой, – хмыкнул Али. – То есть это они его сделали, а продавец обещал доставить.

Макс откинулся на спинку стула. Ох уж эта Вероника, никогда не знаешь, чего от нее можно ждать!

– Что за ракета?

– «Заря»... нет, «Зарья». «Заря». Новая разработка. Не здоровенный комплекс, который занимает много места и который засекут со спутников в два счета, а, знаешь, такая портативная штука, которая уместится в грузовике. Весь смак в том, чтобы грохнуть самолет до того, как пилоты вообще поймут, что по ним шарахнули ракетой. Огромная скорость... тут Вероника написала подробнее, но там много английских слов, а я по-английски не очень, ты же знаешь...

– Покажи, – потребовал Макс.

... Читая с экрана письмо Вероники, он не переставал ломать себе голову, что же делать с послушавшимся его полевым командиром. «Это все чертов восточный характер, – смутно подумал Макс, – каждый считает для себя чуть ли не унижением подчиняться другому, если этот другой не намного старше». Станным образом меньше всего хлопот ему доставляли примкнувшие к нему террористы из Европы. Да, у них тоже были свои пунктики, но они понимали, что существует такая вещь, как общее дело, и что во имя него необходимо соблюдать дисциплину.

А идея сбить борт номер один – очень даже ничего. Отличная мысль. Правда, раньше Вероника уже пыталась купить для этой цели оружие, но у нее ничего не вышло. Будет жаль, если и на этот раз сделка провалится.

– Она знает продавца? – спросил Макс.

Кивок.

– Она уверена, что он ее не подведет?

– Как можно быть в чем-то уверенным в нашем деле? – проворчал Али. – Лично я уверен только в том, что, если и на этот раз ей попытаются продать не то, продавцу не жить.

Макс задумался. Белый парус вдали теперь был едва различим.

– Мы не можем пускать такое дело на самотек, – наконец сказал он. – Напиши ей, что я скоро приеду и мы все обсудим.

– Ты хочешь сам покупать установку? – недоверчиво спросил Али. Обычно Макс избегал прямых контактов с торговцами оружием. Не тот это народ, на который можно положиться, да и спецслужбы тоже не дураки, пасут их плотно.

– Там видно будет, – уклончиво ответил Макс и допил свой кофе.

...Этот разговор состоялся в пятницу, а уже в понедельник в забытом ЦРУ и картографами уголке одной из североафриканских пустынь материализовался высокий стройный господин с черными волосами и жгучими черными глазами. Только одет он был уже не во все белое, а в униформу защитного цвета без погон. Впрочем, любимый хронометр, к которому он питал слабость, по-прежнему оставался при нем.

Макс стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел, как двое солдат из его отряда тренируются, отрабатывая приемы с ножом. Они топтались на месте, настороженно косясь друг на друга; наконец один нырнул вперед, нападая, но второй ловко уклонился от удара, выбил нож у противника и играючи продемонстрировал, как в реальной ситуации добил бы врага. Зрители – такие же наемники, как эти двое – зааплодировали. Поверженный вскочил на ноги, на лице его читались злость и досада, и он стал осыпать победившего ругательствами. Макс презрительно цокнул языком и отвернулся. Он не выносил, когда человек, потерпевший поражение, терял лицо. Да и вообще, с его точки зрения, вся ситуация не стоила выеденного яйца. Впрочем, Макс скоро забыл и думать о ней, потому что на пороге появился его давний соратник.

– Хоакин, ты? Заходи...

В отличие от толстого добродушного Али, помогавшего Максусу в мирной обстановке, все в Хоакине выдавало военного до кончиков ногтей. Неофициально он был правой рукой Макса и привел к нему немало ценных товарищей – таких, например, как Вероника Ферреро.

– Есть вести из Сирии? – спросил Макс, тыльной стороной руки отирая пот со лба.

Хуже всего было солнце. Даже здесь, в искусно устроенной палатке, оно допекало их; даже здесь чувствовалось дыхание раскаленной добела пустыни. Между лагерем и ближайшим жильем пролегали сотни километров бесплодной земли, но и Максусу, и окружающим его людям так было спокойнее.

– Не очень хорошие, – ровным тоном ответил Хоакин. – Эмин убит.

В пятницу он получил от Макса зашифрованную инструкцию сдать строптивного командира его противникам и, не задавая лишних вопросов, не задавая никаких вопросов вообще, подчинился. Два телефонных звонка – и дело было решено.

– Скверно, – уронил Макс.

– Не то слово, – отозвался Хоакин, глядя на своего командира честнейшими глазами. В ответ он получил точно такой же прямой и честный взгляд.

– Надо позаботиться о его семье... Пусть Лейла узнает, что им нужно. Что-нибудь еще?

– Да так, пустяки. Англичане подняли цену за твою голову, – сообщил Хоакин почти весело.

Макс вскинул брови, изображая заинтересованность.

– Да ну?

– Пять миллионов долларов тому, кто выдаст тебя живым или мертвым, – проговорил Хоакин нараспев и улыбнулся. Странное дело, у этого человека с мрачным, резко очерченным лицом была открытая, почти простодушная улыбка. Словно он вовсе не был правой рукой одного из самых известных террористов в мире.

– А почему долларов? – искренне удивился Макс. – Что, старый добрый фунт стерлингов совсем сдох?

– Не знаю, – признался Хоакин. – Наверное, не все в мире слышали о его существовании; зато, что такое доллар, никому не надо объяснять.

Макс вздохнул и без всякого перехода принялся материться на шести языках сразу. Надо признаться, вышло это у него весьма виртуозно.

– Не понимаю, чем ты недоволен, – сказал Хоакин, терпеливо выждав, когда его командир исчерпает свой запас народных выражений. – Все равно не найдется такого человека, который попытался бы тебя схватить, да еще за эти гроши.

– Дело не в этом, – сквозь зубы ответил Макс, – а в той простоте, с какой тебя объявляют вне закона эти... эти якобы демократические державы и их прихвостни. Сразу же видно, что на деле они недалеко ушли от суда Линча.

– Это обычное европейское лицемерие, – Хоакин оживился, как всегда, когда начинался разговор на его любимую тему. – У них для всего имеются двойные стандарты. Гнилой капитализм, что ты хочешь? Его цель – использовать тебя любой ценой, а если использовать не получается, он будет стремиться тебя уничтожить. Капиталистам нужно только, чтобы ты был частью их никчемного общества потребления, голосовал за нужных козлов, когда позовут, и не рыпался. – Он поколебался. – Так я скажу Лейле насчет семьи Эмина или это сделаешь ты?

– Лейлы здесь нет, – сухо сказал Макс. – Я отправил ее в Марракеш. Она с ума сходит в пустыне, пусть хоть немного развеется.

– Вряд ли ей это удастся, – осторожно заметил Хоакин, – пока Вероника здесь.

Макс нахмурился. Снаружи двое других наемников лениво разговаривали, присев в тени тента. К ним подошла кудлатая дворняжка и робко завиляла хвостом. Один из наемников, поперек коленей которого лежал автомат, улыбнулся и погладил ее. Чувствовалось, что когда-то у этого человека был дом, семья и была, может быть, такая же собака. Макс отвел глаза.

– Вероника – профессионал, – сказал он таким тоном, каким врач говорит о больном, у которого обнаружил невиданную доселе и дьявольски интересную болезнь.

– Я вовсе не об этом, – после паузы промолвил Хоакин. Он уже немного сердился на себя за то, что вообще начал этот разговор.

Но Макс только махнул рукой.

– Брось. Между нами уже ничего нет, так что Лейла зря ревнует. Если бы я захотел, я мог бы иметь любую женщину в мире. И знаешь, что тут самое скверное? Что речь идет только о деньгах. Будь ты кривой, хромой, хоть умом обиженный, но богатый, ни одна перед тобой не устоит. Сначала, правда, они ломаются, но это так, для порядка. Чтобы набить себе цену.

Из палатки напротив показалась тоненькая женская фигурка, и Макс замолчал. Солнцезащитные очки, челочка, темные волосы стянуты на затылке в маленький аккуратный хвостик. Вся одежда – черная маечка без рукавов и черные же шорты. На голове – кепи, на ногах – армейские ботинки, на бедре – пистолет, с которым она никогда не расстается, выше левого запястья – татуировка в виде браслета с латинским изречением, приводившим Макса в восторг. Вероника Ферреро. Сколько они были знакомы? Лет пять, может быть, семь? Иногда ему казалось, что нет ничего, чего бы он не знал о ней, иногда – что ему вообще ничего о ней не известно. Между ними всегда существовало некое скрытое напряжение, которое, однако же, не мешало им отлично ладить между собой. Последняя размолвка, впрочем, была довольно серьезной, но с тех пор они уже успели помириться, насколько это слово вообще уместно применительно к двум профессиональным убийцам, каждый из которых знает цену другому. Макс, впрочем, понимал, что, дай он ей отставку, она прекрасно без него обойдется, и это подспудно выводило его из себя. Сам он именно поэтому не смог бы без нее обойтись. Он смотрел, как она идет по лагерю, лениво перебрасывая словечком-другим с некоторыми из его людей; они отвечали ей серьезно, уважительно, без подковырок, как опытному товарищу, которому доверяют и подчиняются безоговорочно. Вероника Ферреро умела

отдавать приказы и умела их выполнять. Ее ценили, ее слушались, ее мнение много значило, и все-таки было в ней, помимо этих бойцовских качеств, нечто такое, что всегда ускользало от Макса. Какое-то время они даже жили вместе, пока Вероника не заявила ему, что это еще хуже, чем заниматься онанизмом. Он подозревал, что она видит его насквозь и немного презирает, и от этого не на шутку страдало его самолюбие. Черноокая красавица Лейла, уже больше года делившая с ним все тяготы жизни человека, поставленного вне закона, с первого взгляда невзлюбила Веронику; впрочем, разница между двумя этими женщинами была такова, что они никак не могли вспылать симпатией друг к другу. Лейла была живым произведением искусства, обворожительным и женственным, то есть воплощением того, что Вероника напрочь не выносила в себе подобных. Нет, все-таки хорошо, что он избавился от Лейлы, по крайней мере на время, иначе не миновать им серьезной стычки, – и, зная характер Вероники Ферреро, Макс имел все основания опасаться худшего для своей подруги.

На порог палатки упала женская тень. Владычица его мыслей на мгновение задержалась, по привычке сначала окинула взглядом помещение и только потом уже вошла.

– Привет, красавчик, – обратилась она к Макс, в ее устах эти слова прозвучали чуть более фамильярно, чем следует, но он сделал вид, что ничего не заметил. – Я забираю все машины. Еду за оружием, как мы условились. Ты остаешься здесь. Всем привет. – И, даже не удостоив взглядом Хоакина, шагнула обратно.

– Постой, – окликнул ее Макс.

Она остановилась и с вызовом поглядела на него снизу вверх – Принц был на целую голову выше ее.

– Новые распоряжения, шеф? – слегка покривив рот в усмешке, спросила она. – Мне некогда. Надо еще добраться до места.

– Я же говорил, что поеду с тобой, – сказал Макс и взял со стола автомат. – Эта штука стоит слишком дорого, я должен увидеть ее своими глазами.

– Чушь. – Вероника перестала улыбаться и смерила его холодным взглядом. – Тебе вовсе не обязательно светиться. Ты у нас чересчур знаменит.

– Да и ты звезда хоть куда, если уж на то пошло, – фыркнул Макс. – Новые распоряжения? – Он все-таки не смог удержаться от этой шпильки.

Вероника стояла не двигаясь. Затем она повернула голову к безмолвному свидетелю этой сцены.

– Хоакин!.. – протяжно, на испанский манер проговорила она. – Скажи хоть ты ему.

Хоакин насупился. Ему вовсе не улыбалось поддерживать Веронику Ферреро против Макса, но в глубине души он понимал, что она права.

– Это неразумно, Макс. И опасно.

– Я сказал, что еду, – отозвался Макс, дернув щекой. – И точка.

По его лицу Хоакин понял, что спорить бесполезно. Макс ненавидел всякое противодействие своей воле, и, смирившись, Хоакин со вздохом проверил, на месте ли пистолет. Так, на всякий случай.

– Ладно. Тогда я еду с вами.

– Черт знает что, – проворчала Вероника. – Я что, без вас не справлюсь? Кажется, уж мне-то могли бы доверять.

– Ладно тебе, – примирительно сказал Хоакин. – Ты же у нас не специалистка по ракетах.

– Можно подумать, вы специалисты, не одну небось изобрели, – поддела их Вероника. – Что, я не права? – И расхохоталась, а за ней засмеялись и оба ее спутника.

Двадцать минут спустя вереница джипов потянулась по пустыне. Вероника сидела за рулем головной машины, в которой, кроме нее, расположились Макс и Хоакин. Макс просматривал распечатанные листы с данными о новой ракетной установке и фотографиями

испытаний, Вероника молчала, Хоакин рассеянно смотрел по сторонам. Смотреть, впрочем, было абсолютно не на что: белая пустыня, белое солнце, белесое небо. Джип трясся, мотор благодушно урчал.

– Хоакин, ты никогда не думал жениться? – задорно спросила Вероника.

Макс фыркнул. Пот из-под кепи заливал его глаза. Он снял головной убор, вытер лоб и вернул кепи на место.

– Из тебя получится отличный муж, – подкалывала меж тем террористка его помощника. – Ты такой тихий...

– Заткнись, – вяло сказал Хоакин. Он не выносил тряски, и его слегка мутило. Сейчас он вообще сожалел, что поехал с ними, – но после того как Макса в его отсутствие едва не взяли, он старался не оставлять командира одного.

– А ты не хочешь выйти замуж? – спросил Макс внезапно у Вероники.

– Ну да, чтобы стирать чужие вонючие носки и нянчить детей, которые, когда вырастут, может, будут обзывать меня по-всякому? – засмеялась она. – Иди ты к черту!

– Так вот почему ты подалась к нам! – воскликнул Хоакин, делая большие глаза. – Испугалась вонючих носков! А я-то думал...

Вероника залилась веселым смехом, оскалив острые зубы.

– Ну уж не из-за твоих прекрасных глаз, это точно! – заявила она. – И даже не ради твоих, мой Принц.

И она снова задорно расхохоталась. Но Макс не понравилось то, что она сказала, и он отвернулся.

Джипы миновали гряду камней и свернули налево. Тут машины начало трясти так, что Хоакин позеленел.

– Далеко еще? – спросил он, не выдержав.

– Уже приехали, – отозвалась Вероника. – Вот они!

Метрах в двухстах впереди показались приличных размеров фура и джип. К последнему привалились две фигурки, и Макс с удивлением заметил, что одна принадлежит женщине.

– Это Аньес, – объявила Вероника. – Все в порядке. – Она с облегчением вздохнула и просигналила два раза. Аньес – женщина в пестром платке, обвязанном вокруг головы, линялой майке и светлых шортах – просигналила ей в ответ.

Вторая фигурка при ближайшем рассмотрении оказалась громадного роста детиной, лениво перекатывавшим жвачку от одной щеки к другой. Едва Вероника соскочила на землю, из-за фуры показались еще двое. Аньес махнула им рукой, они кивнули и отступили в тень, оставаясь, однако, на виду.

– Привет, Аньес, – сказала Вероника по-французски.

– Привет. Мы уж думали, вы заблудились.

– Меня задержали. – Она мотнула головой в сторону Принца. – Знакомься, это Макс.

– А-а, – вежливо протянула женщина. – Очень приятно.

Макс заметил, что у нее шрам вдоль щеки, что она загорелая, поджарая и мускулистая. Она была некрасивая и не понравилась ему, но он все же заставил себя пожать ей руку. Ладонь женщины оказалась сухой и холодной. На шее у Аньес висел черный шнурок с каким-то замысловатым плоским украшением из непрозрачного темного камня.

– Ладно, – сказала Вероника. – К делу. Мы договаривались насчет автоматов, пулеметов, стингеров... И еще одной штуковины.

– Новейшая русская разработка. – Аньес кивнула. – Ты говорила, что хочешь ее испытать.

– Это было бы занятно, – усмехнулся Хоакин, – но у нас тут нет поблизости самолета с президентом США.

По ставшему тяжелым взгляду Макса он понял, что ненароком сболтнул лишнее, и прикусил язык.

– Откуда у вас русское оружие? – спросил Макс.

– От русских, само собой, – ответила Аньес, усмехаясь. Шрам на ее щеке шевельнулся, как живой. – Все любят деньги... – Она повернулась к Веронике. – И я не исключение.

– Я помню, – отозвалась Вероника. Она похлопала ладонью по чемодану, лежавшему на сиденье. – Окончательный расчет как обычно, когда я все проверю.

– Нет проблем. Автоматы тоже будешь проверять?

– Я всегда все проверяю, – с нажимом ответила Вероника.

Хоакин придержал ее за руку.

– В чем дело?

– Большая машина, отсюда не видно, что внутри, – шепнул по-испански Хоакин, кивая на фуру. – А там может быть засада.

Вероника только головой покачала.

– Сказала же – нечего было за мной увязываться, – отрезала она.

– Вероника!

– Я знаю этих людей сто лет, ясно тебе? Отстань!

И, стряхнув его руку, направилась к фуре.

Хоакин поймал взгляд Аньес, которая укоризненно покосилась на него. В самом деле, чего он психует? Аньес и трое ее спутников – итого четверо. А их двадцать человек, не меньше. Даже если в фуре подмога, врасплох их не застать. И все-таки какая-то иголочка беспокойства покалывала его душу. Не утерпев, он отправился следом за Вероникой. Стоя возле фуры, она рассматривала содержимое ящиков с автоматами, которые вытащили подручные Аньес. Хоакин бросил взгляд внутрь прицепа. Ящики, ящики и ничего, кроме ящиков. И среди них высится какая-то здоровенная штукавина, накрытая чехлом. Он сразу же увидел на чехле русские буквы – и у него немного отлегло от сердца. Нет, здесь, пожалуй, нет никакого подвоха.

– Все в порядке? – крикнула Аньес.

– Да! – отозвалась Вероника. – Но какого черта патроны китайские? Я же просила...

– Постоянному покупателю скидка, – тотчас же нашлась Аньес. – Извини, так получилось.

Но Вероника продолжала ворчать. Аньес пожала плечами, вытянула из пачки сигарету, сунула ее в рот и полезла за зажигалкой. Поглядела на Макса и протянула пачку ему:

– Хотите?

– Спасибо.

Аньес зажгла сигарету себе и Макс, с наслаждением затянулась и выдохнула дым через ноздри.

– Лучше покурить до того, как мы пойдем смотреть нашего друга, – объяснила она.

– Друга? – удивился Макс.

– Так я его называю, ваш ракетный комплекс, – пояснила Аньес. – По мне, оружие надо называть так: «ваш лучший друг» или «с наилучшими пожеланиями».

– Неплохо. – Макс оскалился.

Аньес докурила сигарету, бросила ее на песок, тщательно затоптала и двинулась к грузовику. Ее помощники, забравшись в фуру, уже стаскивали чехол с «Зари», и даже Хоакин заинтересовался, ожидая увидеть нечто уникальное.

Макс подался вперед и восхищенно присвистнул.

– Вот это да!

Вероника саркастически рассматривала «друга», выпятив нижнюю губу. Аньес легко поднялась в прицеп и стала в позу аукционщика, продающего главный лот коллекции.

– Итак, «Заря», душка и красавица, – нараспев проговорила Аньес. – Тут система наведения. Ракета пока не заряжена, у меня здесь места маловато. Сами ракеты отдельно, в этом ящике. Если поставить установку на грузовик...

– Кажется, ты говорила о джипе, – сухо напомнила Вероника.

– Джип улетит к чертям от отдачи, – парировала Аньес, – но джип в принципе тоже может быть, если вы воспользуетесь обыкновенным дистанционным управлением. Пульт в комплекте. – Она хлопнула по какой-то коробке. – Против чего оружие предназначено? Ну, по воробьям стрелять никак не подойдет. – Она мимоходом улыбнулась Макс, и он ответил ей понимающей улыбкой. Он уже не находил эту женщину в пестром платке такой неприятной, как вначале, и ему нравилось, как она обращается со своей опасной игрушкой – любовно и вместе с тем совершенно уверенно. – Оно создано для того, чтобы сбивать самолеты, в основном военные. За оружие я ручаюсь, видела съемки его испытаний. Поверьте, его мощностность как нельзя лучше подходит для ваших целей.

– Это интересно, – пробормотал Макс. – Оч-чень интересно.

Вероника недовольно поморщилась. Закупка оружия обычно находилась в ее компетенции, и она не любила, когда кто-то вмешивался в то, что она считала своим делом.

– Это все слова. Ты же знаешь, что я не люблю покупать кота в мешке. Надо испытать эту штуку хотя бы на какой-нибудь простой цели.

– Хорошо, – легко согласилась Аньес. – Но это значит, что я потеряю минимум одну ракету. Давайте сразу же договоримся, что испытание – за ваш счет. Так будет честно.

Вероника переглянулась с Максом, и он кивнул:

– Мы согласны.

– Тогда выгружаем нашего друга, – объявила Аньес.

Это оказалось не так легко, потому что «Заря» по своим габаритам все-таки была не маленькой. Пришлось вызвать на подмогу людей из сопровождения Макса.

– Не очень-то удобно, – заметил Хоакин, следивший за выгрузкой.

– Как и все русское, – жизнерадостно ответила Аньес. – Но, уверяю вас, как только вы к нему привыкнете, то сразу же обнаружите, что не можете без него обходиться... Ну что, устроим фейерверк?

...И тут он понял, не зря же он часами играл с Максом в шахматы, а Макс играл в них очень хорошо и сумел многому его научить. Все дело в глупых пешках, которых выманили с их позиций; пешки столпились возле фуры, оставив неприкрытыми короля – Макса и слона – его, Хоакина, наедине с вражеским ферзем – Аньес, которая, конечно, наверняка никакая не Аньес вовсе. Это была хорошо продуманная и просчитанная шахматная комбинация, которую разыграли с ними на белом песке пустыни, исчерченном черными тенями, как на черно-белой доске, это... Но уже нет времени додумывать сложносочиненную мысль, потому что спутники Аньес, тоже каким-то образом оказавшиеся в стороне от фуры, уже без всяких околичностей орут: «Фейерверк!» – и достают оружие.

– Макс! – отчаянно закричал Хоакин. – Спасайся! Это засада!

Нет, у нападающих ничего не получится, потому что их всего четверо, а с Максом куда больше людей, и шума вертолетов не слышать, так что подмога не поспеет к их недругам... И тут произошло то, что суеверный человек, слабо знакомый с методами спецслужб, мог бы назвать чудом. А именно: песок расступился, и из-под него один за другим полезли французские десантники, специально обученные приемам ведения военных действий в условиях пустыни. Поддерживая их наступление, загрохотала тяжелая артиллерия, тоже до поры до времени прятаясь в укрытиях, нарочно для этого устроенных под землей.

От двух джипов из сопровождения остались одни обломки. Другие машины кувыркались, взрывались, взлетали в воздух. Макс и опомниться не успел, как тот самый громила, который сопровождал Аньес, кинулся на него и сбил с ног. Сцепившись, они покатались по

песку. Макс был силен, но этот человек был гораздо сильнее, он подмял Принца под себя и душил его. Внезапно Макс почувствовал, что хватка громилы ослабла. Какая-то жидкость закапала ему на лицо, и он увидел рядом с собой Хоакина, который одним махом перерезал врагу горло.

– Бежим, Макс! Сюда, скорее!

Его люди, знавшие, что даже в случае сдачи их не ожидает ничего хорошего, наконец открыли ответный огонь. Несколько десантников упали. Макс стрелял, стрелял и Хоакин, не давая никому приблизиться к ним. Кепи слетело с головы Макса, глаза горели сумасшедшим огнем. Может быть, он чувствовал себя счастливым посреди этого моря огня, смерти и крови, где его спасение зависело только от него самого.

Двух его людей убили у него на глазах. Они с Хоакином отступали, их обстреливали со всех сторон. Внезапно Макс услышал шум мотора. Веронике удалось завести уцелевший джип – единственный, который еще мог передвигаться. Она подъехала к ним. Чемодан с деньгами, которые они собирались заплатить Аньес за оружие, лежал рядом с ней на сиденье.

– Возвращаемся в лагерь! – заорал Макс, перекрывая шум стрельбы. – Мы должны предупредить своих, иначе туда явятся войска и всех перебьют! А...

Вероника спокойно вытащила пистолет и, почти не целясь, выстрелила. Макс остолбенел: Хоакин с пулей между глаз медленно осел на землю.

И тогда он все понял. Вероника увела из лагеря все машины, на которых они могли отступить, Вероника уверяла их, что знает Аньес. Они ничего не подозревали. Ничего. Потому что предатель был среди них. Это Вероника, зная его, догадалась, как можно выманить его со средиземноморского острова, и нарочно требовала, чтобы он не ехал смотреть ракетный комплекс, отлично понимая, что это только его подстегнет. Но почему? Почему именно она? Неужели только из-за...

Больше Макс ничего не успел подумать. Вероника выстрелила в него дважды, потом еще раз. Он упал и покатился по мягкому песку. Вероника, перезарядив пистолет, щелкнула затвором и подошла к нему. Макс не двигался. Тогда она размахнулась ногой в тяжелом ботинке и пнула его.

– Это тебе за моего брата, – процедила она сквозь зубы.

И, ударив второй раз, добавила:

– И за все остальное тоже.

Макс лежал на спине, раскинув руки, и кровь бежала из его рта. Вероника подняла руку, целясь ему между глаз, и почти надавила на гашетку, когда кто-то перехватил ее запястье и вывернул его. Пистолет отлетел в сторону. Дико вскрикнув, Вероника Ферреро уставилась на женщину в платке.

– Тихо, деточка, – миролюбиво сказала Аньес. – Не то я испорчу тебе фасад.

Вероника знала, кто такая Аньес, и знала, насколько опасно спорить с ней. Она отступила.

– Таких, как он, надо убивать, – злобно выпалила она, дергая ртом.

– Таких, как ты, – тоже, – спокойно отвечала Аньес. – Мне лично все равно, но был приказ доставить его живым. Спасибо за сотрудничество.

Макс открыл глаза. Они были мутными, но потом его взгляд прояснился. Он увидел Аньес с наручниками и все понял. Она сковала его запястья и спокойно сказала:

– Ты можешь хранить молчание, можешь говорить, можешь звать свою мамочку, адвоката, папу римского – мне все равно. Можешь предлагать мне миллиарды, можешь сотрясать воздух и угрожать мне – плевать я на тебя хотела. Именем Французской Республики ты арестован. Я доставлю тебя в Париж, а там тебя будут судить. – Голова Макса дернулась. – Тихо-тихо, Маленький Принц.

К ней подошел один из десантников и отдал честь.

– Mon colonel ⁴, мы взяли шесть человек, они ранены. Что с ними делать? – Его глаза скользнули по лицу Принца, он узнал пленника и невольно приосанился. Все-таки не каждый день берешь матерого зверя, да еще под началом такой замечательной женщины, как их мадам полковник.

– Потери? – бесстрастно спросила Аньес.

– Двое погибли, в том числе Жюль, мой полковник. Еще пять человек ранены.

– Пленных оставить здесь, – холодно уронила Аньес. – Навсегда. – Она достала из заднего кармана рацию. – «Мираж-два», я «Мираж-один». Фейерверк закончился, товар доставлен почти в целости. Никто не убежал. Приказываю приступить ко второй фазе: уничтожению лагеря. Об исполнении доложите.

– «Мираж-один», – прошелестел глуховатый голос, – вас понял. Вызываю бомбардировщики.

– «Мираж-два», конец связи. Эй! Носилки для нашего дорогого пленника.

Самолеты, начиненные бомбами, прилетели к лагерю боевиков через несколько минут.

Вечером того же дня Артюр Боннар, видный французский журналист, начал статью для завтрашней передовицы словами:

«Весь мир вздохнул с облегчением.

Французские спецслужбы обезвредили одного из опаснейших...»

Текст содержал ряд тонких намеков на то, что там, где как англичане, так и американцы потерпели позорную неудачу, Франция опять оказалась на высоте. Трехцветный флаг развевался в каждой строчке, мозоля глаза представителям всех прочих наций.

– Чушь, – высокомерно бросила полковник Мари Декрессак, она же пустынноца Аньес, свернув газету и бросая ее на стол. – Бертран!

На ее зов немедленно объявился вполне приличного вида господин с добрыми, как у печальной собаки, глазами. Он и Мари были женаты уже полтора десятка лет и души не чаяли друг в друге.

– Бертран, душенька, принеси мне, пожалуйста, еще кофе, – распорядилась грозная полковница. – Я надеюсь, в мое отсутствие ты не забывал поливать цветы? И, кстати, как дела в школе у Женеьевы с Феликсом?

⁴ Полковник (буквально: мой полковник) – обращение, принятое во французской армии.

Глава четвертая

Едва нам начинает казаться, что мы что-то узнаем, как тут же выясняется, что мы ровным счетом ничего не знаем.

Гастон Леру. Тайна желтой комнаты, глава I

Я (потому что это опять я, а кто же еще?) вынырываю из метро и перевожу дух.

Я имею на это право, потому что время, которое я провела под землей, было не самым приятным в моей жизни. Я прижимала сумку крепко к себе, боясь, что ее у меня могут вырвать. Кроме того, меня могли снова оглушить, столкнуть под поезд или, на худой конец, зарезать. Для человека с моей любовью к жизни это, надо признаться, неутешительная перспектива.

Вдобавок человеческий мозг странно устроен, и, как я ни пыталась хоть на время забыть о моем деле, мысли о нем упорно продолжали лезть мне в голову. А случайно увидев свое отражение в окне вагона, я заметила кое-что, на что не обратила внимания прежде и что, по правде говоря, привело меня в еще большее бешенство, чем даже татуировка и одежда с чужого плеча.

Мне обрезают волосы!

Утром они доходили почти до середины спины. Теперь то, что у меня осталось, едва прикрывало шею и, мало того, было стянуто в короткий тугий хвостик, перевязанный мягкой резинкой.

Это было последней каплей. Мне захотелось плакать. Я запустила пальцы в бедные огрызки, которые у меня еще оставались, растрепала прическу, содрала гнусную резинку и швырнула ее на пол. Потом я подумала, что она может пригодиться как вещественное доказательство, подобрала ее и машинально открыла сумку, чтобы положить улику внутрь. Из глубины сумки на меня холодно блеснул пистолет, о котором я уже успела забыть. Клянусь, я едва не закричала от ужаса.

Я призвала себя к порядку. Господи, я же вовсе не героиня по натуре! До недавнего времени я мечтала прожить свою жизнь, по возможности как можно меньше страдая и не причиняя страданий другим. Можете обвинять меня в том, что я старалась плыть по течению. Вам это сделать легко – вы же совсем не знаете меня.

Итак, я взяла себя в руки (очень крепко) и попыталась расставить все части головоломки по своим местам. Я не помнила моего похитителя или похитителей, но все указывало на то, что для сумасшедших они действовали чересчур изоцирено. Что они сделали со мной, я знала, по крайней мере, отчасти. Что они собирались сделать...

Тут состав дернулся, как в эпилептическом припадке, и остановился. Я поглядела на синюю табличку с названием и обнаружила, что едва не прозевала свою станцию. Схватив с сиденья сумку, я ринулась к выходу и кое-как протиснулась в уже закрывающиеся двери. Уф.

Наверху моросил дождь, но только так, для виду, и я обрадовалась, потому что люблю дождь, и легкие сиреневые сумерки, и дома, еще помнящие прекрасную эпоху и дам в пышных шляпках. По французскому обычаю почти на всех зданиях бульвара, по которому я шла, имелись таблички с именами архитекторов и дат постройки. И...

Вспомнила. Мы с Денисом гуляли сегодня по этому бульвару. И я прекрасно знаю этот дом, украшенный лепниной, потому что уже фотографировала его. Мы вышли из отеля, взяв с собой карту Парижа, и отправились бродить. И хотя район довольно скромный, а отель всего лишь две звезды, в номере обнаружился бесплатный вай-фай, который в иных странах и в четырехзвездочных отелях не сыщешь. Вернее, сыщешь, но только за дополнительную плату.

Значит, меня похитили с прогулки? Или после нее? И почему Денис не пришел мне на помощь? Или я чего-то о нем не знаю и на самом деле он является не менеджером салона мобильной связи, а, к примеру, генеральным поставщиком международной сети проституток, которым делают татуировки, чтобы в случае бегства их было легче обнаружить? В детективах, замечу, такое приключается сплошь и рядом. Доверчивая девушка, расчетливый негодяй, путешествие, которое оборачивается тысячью неприятностей, изредка – герой, который ее спасает, хотя обычно героине приходится отдуваться самой и полагаться исключительно на силу своего обаяния, а также на силу удара табуреткой, которым при случае удается приласкать главного супостата. Так союз обаяния и табуретки обеспечивает книжке хеппи-энд, а мне – несколько с удовольствием проведенных часов. Потому что да, я люблю детективы. Люблю их наивные хитросплетения, люблю неловкие попытки авторов меня провести, люблю несокрушимых пуленепробиваемых героев и непроходимо идиотических героинь, люблю находчивых сыщиков, которые всегда ухитряются с помощью логики объяснить все на свете, хотя в жизни я ни разу не встречала человека, чьи поступки до конца можно было бы осмыслить логически. Взять хотя бы меня – я обожаю старинную мебель, я просто с ума схожу по этим восхитительным резным стульям и столикам, инкрустированным перламутром, а в жизни меня окружают дрова из ДСП и диван-кровать, который ломается раз в три месяца. Да что там мебель – мне всегда казалось, что меня привлекают брюнеты с голубыми глазами, а Денис – сероглазый и русоволосый. И вообще...

И вообще, углубившись в дебри размышлений о своей нелегкой жизни, я внезапно понимаю, что отель в пяти минутах ходьбы от станции метро и отель в часе ходьбы от станции метро – одно и то же для человека, который в первый раз оказался в незнакомом городе и крайне плохо в нем ориентируется. Потому что я, черт возьми, не помню, где именно находится наша гостиница. Помню, что была улица, которая примыкала к бульвару, и отель был почти в самом ее конце, а по бульвару еще надо было топать до метро. И мы с Денисом... ну да, мы еще посмеялись, что французские «пять минут» в переводе на русский, пожалуй, минут десять, а то и больше.

Я попыталась вспомнить, не было ли какого-нибудь дополнительного ориентира вроде магазина или приметной вывески, но ничего не вспомнила. Тогда я принялась блуждать по бульвару, надеясь, что вот-вот меня настигнет озарение и я вспомню, в какую сторону мне идти. Улица была заполнена толпой прохожих, а еще в Париже через каждые двадцать метров встречается кафе, и столики частенько вылезают прямо на тротуар. Я задумалась, а не зайти ли мне в кафе чего-нибудь перекусить, но тут над бульваром взмыл противный вой полицейских сирен. Он действовал мне на нервы, и я от досады свернула на первую попавшуюся улицу. Здесь уже было потише и прохожих совсем немного (это в Париже тоже часто бывает: идете по многолюдной улице, сворачиваете в переулок, а там – ни души). Но уже через несколько шагов я убедилась, что наш отель не может быть расположен на этой улице, потому что я совсем ее не помню. И тут сзади снова завывла сирена, настигая меня. Я подскочила и шарахнулась к стене, а полицейская машина, сверкая синими огнями, пролетела мимо. Я почувствовала нечто странное – словно ледяная рука тронула меня за сердце, не знаю даже, как объяснить это ощущение. Не раздумывая и не колеблясь, я двинулась в том же направлении, что и полицейские. Вскоре я увидела вывеску обанкротившегося магазина, которая горела неправдоподобно ярким неоновым огнем, и тут мои ноги словно налились свинцом. Я сделала несколько шагов, потом остановилась. Потоптавшись на месте, я скользнула чуть ближе и спряталась за какой-то столб. Возможно, фонарный. Мне в тот момент не пришло в голову его рассматривать.

Под неоновыми огнями вывески стояли две полицейские машины, и мигалки на их крышах рассыпали в ночи синие всполохи. На тротуаре уже собралась небольшая толпа.

У меня екнуло сердце. Возможно, это была пресловутая женская интуиция, не знаю. Зачем-то согнувшись в три погибели, я отлепилась от столба, перебежала улицу и смешалась с толпой.

– Это ужасно, – говорил высокий сухопарый старик. – Просто ужасно. Я вышел, как обычно, на прогулку с моим Жожо и обнаружил его...

Зеваки слушали с благоговением. Маленький белый пудель прижался к ноге хозяина, мелко дрожа всем телом, – очевидно, это и был тот самый Жожо.

– Такой приличный молодой человек, светловолосый, в красной майке... Ему перерезали горло, представляете? – Несмотря на волнение, он произнес слово *égorgé*⁵ с явным удовольствием, смакуя его, как хорошее вино.

У меня же было ощущение, что перерезают горло мне. Полиция копошилась в темном дворе, куда никого не пускали, но мне во что бы то ни стало нужно было взглянуть на того, кто там лежит. Потому что – может быть, я читала слишком много детективов – мне показалось, я могу знать этого человека. Слишком многие приметы совпадали.

Покрепче перехватив сумку (эх, знали бы полицейские, что в ней находится...), я двинулась напрямик на представителя закона.

– Сюда нельзя, мадемуазель! – строго сказал мне ажан.

– Но я живу в этом доме! – объявила я, уверенно махнув рукой в сторону двора.

Полицейский смерил меня недоверчивым взглядом. Мне показалось, он собирался спросить у меня документы, но тут к нему подскочил лохматый тип с микрофоном, которого сопровождал оператор с камерой. Тип выглядел так, словно его с утра по ошибке засунули в стиральную машину, а когда вытащили, забыли погладить. Все у него стояло дыбом: волосы, брови, даже очки. Не тратя даром времени, он набросился на полицейского.

– Это убийство? Кто его расследует? Могу я задать несколько вопросов?

– Еще ничего не известно толком, месье, – осадил его полицейский.

– Но это хотя бы серийное убийство, а? – ухмыльнулся тип с микрофоном.

– Это вы лучше спросите у инспектора Миртиля, – твердо ответил ажан.

– У этого? Да он терпеть нас не может!

Воспользовавшись тем, что полицейский отвлекся на перепалку с представителем прессы, я беспрепятственно проскользнула во двор.

Лавируя все время так, чтобы оставаться, насколько возможно, вне поля зрения остальных полицейских, я наконец подобралась к группе из трех человек. Тот, что стоял ко мне спиной, был худ, как щепка, с лысиной на макушке и говорил слегка в нос. Мне подумалось, что это и есть пресловутый Миртиль. Второй, которого я видела в профиль, – курносый плечистый малый лет тридцати пяти с белокурыми вьющимися волосами, сложением напоминающий хороший шкаф. Третий, судя по тому, как он кружил возле распростертого на земле тела, был всего-навсего врач – врач для тех больных, которым он в принципе уже не нужен.

– Четыре часа, может быть, пять, – изрек он.

– М-да, – сказал блондин и поглядел на лысого.

Я воспользовалась этим и подкралась еще на два шага, но и отсюда не было видно лица жертвы – его заслоняли спины стоявших.

– Ни денег, ни документов, – буркнул лысый. – Жильцы этих домов его не знают.

– Может быть, турист? На туриста он вполне похож. Надо будет проверить ближайшие гостиницы.

– Звери, – продолжал лысый. Он достал сигарету, повертел ее в пальцах и закурил. – Ну хочешь ограбить – грабь, но зачем убивать?

⁵ Перерезать горло (*франц.*).

– Это-то меня и беспокоит, – заметил блондин. – Слишком чисто нанесен удар. Смерть наступила практически мгновенно.

– Вы преувеличиваете, Миртиль. В таких делах...

– Я перевидал немало трупов, Клеман, и знаю, о чем говорю. Этого человека убил профессионал.

Он повернулся, и тут я увидела лицо зарезанного. Я узнала его, хотя оно было заляпано кровью. Я ожидала этого – и все-таки надеялась, что ошибусь в своих предположениях. Да, это был Денис.

Появились санитары. Тело упаковывали в мешок, когда я со всех ног бросилась бежать в направлении, противоположном тому, откуда пришла. Мне не повезло – с этой стороны двора я тоже напоролась на полицейского.

– Стой! – заорал он и крепко ухватил меня за сумку, которую я держала не менее крепко. – Какого дья...

– Я живу в этом доме! – заорала я в ответ. – Мне дела нет до ваших убийств! Месье Миртиль сказал, что я могу идти, я опаздываю на вечеринку!

Неизвестно, что произвело на него более магическое впечатление – имя его начальника или слово «вечеринка». Для француза власти и праздник одинаково святы.

– Ладно, идите, – пробурчал он.

И я пошла, нет, я побежала. Через соседнюю улицу я вернулась на бульвар и, порядочно поблуждав по нему, внезапно увидела в витрине очередного магазинчика манекены – безрукие и безголовые торсы с надетым на них женским бельем.

Как же я могла забыть? Ведь именно эту витрину мы первым делом увидели с Денисом, когда вышли из гостиницы и свернули на бульвар, и я еще как-то удачно пошутила насчет пластмассовой расчлененки... или голов с руками, которые ищут своих хозяев и не могут найти...

Я приму душ, соберусь с мыслями и пойду в полицию. Или в посольство. Должны же они помочь мне, в конце концов? Должен же хоть кто-нибудь мне помочь?

По почти безлюдной улице, мимо вьетнамцев, которые последними убрали на ночь фрукты и овощи с прилавка, выставленного на тротуар, и наконец вот она – моя гостиница. Добро пожаловать, мадемуазель Вероника!

Это была стандартная парижская гостиница, в одном из обычных парижских домов в четыре-пять этажей, где есть узенькая лестница, и лифт величиной с носовой платок, и стойка ресепшен занимает треть вестибюля, а на завтрак дают ровно столько, чтобы турист не умер с голоду до обеда. Мадам за стойкой вперила в меня непонимающий взгляд.

– Что-то не так, мадемуазель?

Я уже подумала, что мое лицо отражало чувства, которые я испытала при виде мертвого Дениса, лежащего с перерезанным горлом у каких-то грязных мусорных баков, когда администраторша добавила:

– Вы забыли что-то из вещей? В ваш номер скоро вселятся новые жильцы, но, если вы что-то потеряли...

Я слотнула. Мне казалось, не так-то просто выбросить из головы близкого человека, которого вы только что видели бездыханным, и все же – я напрочь забыла о нем, едва осознав смысл того, что мне говорили.

Не требовалось семи пядей во лбу, чтобы понять, что кто-то пришел от моего имени, забрал наши вещи, выехал из номера и растворился в городе, где у меня не было никаких шансов его найти.

Я заставила себя улыбнуться. И пошла напролом.

– Нет, кажется, все в порядке, но дело вот в чем. Мой приятель куда-то запропастился. Ему и правда показалось, что чего-то не хватает, и вот я его жду, а его все нет. Может быть,

он заходил к вам? Он такой... – я улыбнулась так широко, что, наверное, заткнула за пояс даже чеширского кота, – рассеянный...

– Ваш приятель? Тот, с которым вы поселились в номере, или тот, который приехал с вами позже?

Ах, эта чертова французская точность! Но в голосе немолодой администраторши звенели совсем другие нотки, и я даже ушам своим не поверила, когда услышала их. Да она просто мне завидует! Она решила, что у меня аж два поклонника...

– Меня интересует второй, – уточнила я. – Блондин... в сером костюме.

– Да, я помню. Вы еще приехали с ним на машине...

– В черной машине, да.

– Нет, он больше не заходил.

– Ах вот как.

Я готова была схватить ее за горло – или прямо тут же, в крошечном вестибюле, повалиться на пол в жесточайшей истерике. Это некрасиво, но эта милая дама, такая любезная, такая... такая безжалостная... И я – обманщица без денег, документов и вещей.

– Я не должна ничего подписывать? – осведомилась я. – Я понимаю, я огорчила вас. Решила переехать...

– Нет-нет, вы уже за все заплатили и расписались.

– В самом деле?

Она, улыбаясь, показала мне какую-то бумажку и ткнула пальцем в низ страницы.

– Вот. Так что все в порядке.

Я бросила взгляд на диковинную закорючку, удостоверяющую, что я, Вероника Бессонова... Хорошо, что у меня достало ума (или интуиции?) взглянуть через плечо – у входа уже маячили блондин Миртиль и его помощник Клеман, а за ними чинно семенил тот самый полицейский, которому я заявила, что живу в доме, возле которого произошло убийство.

– Спасибо, – шепнула я одними губами и побежала к выходу. Низко наклонив голову, я быстрым шагом прошла мимо полицейских, заставив их пропустить меня, и под моросящим дождем двинулась обратно на бульвар. На душе у меня стояла осень.

Глава пятая

*Она не боялась ни бога, ни черта, однако опасалась полицейских.
Эмиль Габорио. Дело вдовы Леруж, VI*

Холл отеля, 10 ч. 48 мин. вечера

– Добрый вечер, мадам.

– Добрый вечер (немного настороженно: и вправду, чего хорошего ждать от визита подобных гостей!).

– Я инспектор Миртиль из уголовной полиции. Это мой коллега Клеман. Мы расследуем убийство, которое произошло в этом квартале.

– Убийство? (Высоко задранные брови, давление подсказывает, настроение падает.)

– Да. Около четырнадцатого дома на улице... – он четко излагает обстоятельства дела, пристально следя за администраторшей. («Дамочка паникует или это мне только кажется?»)

– Но я не вижу, чем бы я могла помочь... («Вечно в мою смену на меня сваливаются неприятности! Правда, убийство – это что-то новенькое. Однако, господа, какой ледяной взгляд у этого типа. Настоящий гестаповец, хоть и кажется поначалу таким простаком...»)

– Подождите. При этом человеке не было документов. Очевидно, он был ограблен. Мы полагаем, что он может оказаться туристом, возможно, кем-то из ваших постояльцев. Это всего лишь рабочая гипотеза. Его приметы... («Нет, она просто глупая курица».)

«Господа! На кой черт мне его приметы? Я теперь всю ночь глаз не сомкну».

– ...красная майка с надписью «Барселона»...

– Погодите. «Барселона»?

– Именно.

– Мне кажется, – неуверенно бормочет Курица, – я... Сегодня приехал один турист из России... Я помню, он был как раз в красной майке... Погодите. (Пауза, поиски на компьютере.) Номер 406. Денис Воробев. Воробив... Воробиев... Ах, русские фамилии такие трудные...

Денис Воробьев. И ничего трудного.

– У вас есть принтер? Сделайте, пожалуйста, для нас распечатку всех данных.

– Да-да, месье. Конечно...

– Он был один? – спрашивает Клеман.

– Один? А...

«Господа, как же все это неприятно! Сказать им или не сказать? Эта девушка только что спрашивала о другом своем приятеле. Неужели он убил соперника? Любовный треугольник, обыкновенное дело! Будут писать в газетах... телевидение, новости... а упомянут ли их отель? Черт возьми, ведь это такая реклама! Можно будет, наконец, сделать достойный ремонт...

А собственно говоря, почему убить должен был мужчина? Может, это она? Хотя по виду определенно не скажешь... Господа, у меня сейчас мигрень разыграется от всего этого!

Нет, надо сказать, тем более что все данные спутницы тоже есть в компьютере, она занимала один номер с убитым. Если она ни при чем, это ей не повредит, а если замешана, что ж... Тем хуже для нее».

Принтер выплевывает распечатку данных, и администраторша, уже вполне овладев собой, вручает ее Клеману, который внушает ей больше доверия.

– Любопытно... Он что, заселился только сегодня?

– Да, месье. Сейчас я проверю, был ли он один... Да, с ним была женщина.

– Кто именно? Жена?

– Вряд ли. У нее совсем другая фамилия.

И принтер снова принимается печатать.

– Его вещи в номере? Я бы хотел на них взглянуть, – подает голос гестаповец.

– Нет. Все вещи забрала его подруга, когда выписывалась.

Полицейские переглядываются.

– То есть они только что приехали и сразу же выписались?

– Да, хотя забронировали номер на семь ночей, как обычно.

– В номер уже заселились другие постояльцы?

Полицейские – не Вероника Бессонова, и их не стоит убеждать, что номер под крышей готовы оторвать с руками и даже имеется очередь на заселение. Поэтому администраторша без натуги сердечной признает, что, хотя уже вечер, номер еще даже не убрали.

– Отлично, – оживляется Миртиль и поворачивается к полицейскому, который их сопровождает. – Лоран, сгоняйте-ка за экспертом. Посмотрим, что удастся найти. Отпечатки и прочее...

Администраторша колеблется. Надо им сказать прямо сейчас, пока девушка, может быть, не успела далеко уйти. Но тут она видит улыбку Миртиля и теряется. Какой он гестаповец, в самом деле? Обыкновенный парень деревенского вида, похожий на крепко сколоченный шкаф. Тоже мне, полицейский из убойного отдела! Да такой даже потерявшуюся кошку не сможет найти... Замучает он девчонку, ни за что ей жизнь испортит! И никого она не убивала, по глазам видно, не такой она человек, совершенно не такой...

А разжалованный гестаповец меж тем, перегнувшись через стойку, говорит:

– Вы нам очень помогли. Теперь мы знаем, что убитый – русский, и сделаем в посольство соответствующий запрос. Мы пока осмотрим его комнату, а если вы что-то вспомните...

– Д-да... конечно, месье... («Где мой аспирин? Поскорее бы они убрались, честное слово! С такими приключениями никакой рекламы не захочешь...») Вот ключи.

– Спасибо.

– Весьма вам благодарны, – говорит вежливый Клеман на прощание.

Миртиль развернулся и пошел к лифту. Когда дверцы крошечной кабины распахнулись, полицейские переглянулись. Судя по всему, она была рассчитана строго на одного сухощавого туриста с чемоданом не самой большой вместимости... или на одного не очень сухощавого туриста, но уже без чемодана.

– После вас, шеф, – не без юмора замечает Клеман.

– Да ладно тебе, – смеется Миртиль. – Езжай, а я поднимусь по лестнице.

И с неожиданной для человека его сложения резвостью он побежал вверх по ступеням. Клеман пожал плечами и нажал кнопку четвертого этажа.

Глава шестая

Джейн ничего не имела против преступлений, но в небольшом количестве.

Агата Кристи. Джейн ищет работу

Когда читаешь детективный роман, все кажется очень просто. Ты видишь, где и когда героиня совершает глупости, сердисься, когда она доверяет не тому человеку, который до этого уже сто раз ее подводил, и можешь в любой момент захлопнуть книжку, которая тебя разочаровала. Но едва ты сама оказываешься героиней детектива, все правила вмиг перестают работать. Любой может оказаться как другом, так и врагом, а любое действие может привести к необратимым последствиям.

И вообще, если хотите знать мое мнение, лично я бы предпочла стать героиней любовного романа. Чего уж проще: ты вся из себя такая недостижимая красавица, и в очередь к тебе стоят мужчины, а ты размышляешь, что вот если бы губы Ивана и нос Сергея прибавить к банковскому счету Петра да добавить чувство юмора Степана, получилось бы как раз то, что тебе нужно.

Однако детективный переплет, в который угодила я, исключает всякие мысли о любовном романе. Скрывшись из отеля, я даже не подозревала, какой опасности мне чудом удалось избежать. Теперь я это знаю точно, но данный факт ни капельки не радует. Я даже не догадывалась, что дело обстоит так скверно, — и даже хуже, чем скверно, хотя это вряд ли возможно себе представить.

...Покинув гостиницу, я некоторое время шла куда глаза глядят, но потом чувство голода напомнило о себе, и я завернула в кафе, которое еще работало. Забравшись в самый темный угол, я попросила чашку кофе и самую дешевую ватрушку, которая имелаась в меню. Черная сумка лежала у меня на коленях, притворяясь, что она самая обыкновенная сумка и совсем не предназначена для того, чтобы меня погубить, но я-то чувствовала, что она — враг или по меньшей мере сообщник врага. Впрочем, съев восхитительную ватрушку, я приободрилась и решила, что надо что-то предпринять.

У меня нет документов, стало быть, найти пристанище будет довольно-таки проблематично. Во Франции при заселении в гостиницу требуется предъявлять бумаги, удостоверяющие личность. Возможно, не все гостиницы строго следуют этому правилу и мне повезет, но ведь может и не повезти. Можно, конечно, сочинить какую-нибудь историю, что мои документы оказались у кого-то, кто приедет позже, но...

Но у меня очень мало денег. Когда я заплачу за кофе с ватрушкой, останется около сорока евро. Можно ли в Париже переночевать за сорок евро? В теории можно переночевать бесплатно на скамейке, но полиция, полиция...

И почему я так боюсь полиции, ведь я не сделала ничего плохого? Когда я шла сюда, я видела стрелку указателя с надписью что-то вроде «Комиссариат девятого округа». Что мне стоит проследовать в комиссариат, все им рассказать и попросить разобраться?

Но у меня нет документов, а единственный человек, который может подтвердить, что я — это я, убит. И кто поверит в мою несуразную историю? Куда проще им будет поверить, что я поссорилась с Денисом, зарезала его, а всю эту чепуху выдумала для отвода глаз. Конечно, могут найти тех, кто угнал черную машину с моим почти бездыханным телом в багажнике, но уж им-то совершенно невыгодно признаваться властям в своей деятельности.

Или наплевать на полицию и идти напрямик в посольство? Опять та же история — документов нет...

— У вас все в порядке?

– Да, – машинально ответила я и тут только поняла, что говорю по-русски. Собственно, на русском был задан и вопрос.

Немолодой официант, который совсем недавно принес мне кофе и ватрушку на блюде, стоял рядом, с сочувствием глядя на меня. Внешне он походил не на русского, а скорее уж на армянина, но обычно за границей бывшие граждане Советского Союза не утрачивают ощущения общего прошлого, которое их связывало. Поэтому, наверное, он со мной и заговорил.

– Вообще-то у меня все плохо, – выпалила я.

– Выпей еще кофе, – предложил он, ставя передо мной вторую чашку.

– Большое спасибо, но, видите ли, у меня совсем мало денег, и я...

– Да ты что? За счет заведения, конечно. – Он сел напротив меня. – И что у тебя произошло?

Я объяснила, хлюпая носом, что, только приехав в Париж, поссорилась со своим парнем, собрала вещи и ушла. И вот теперь понимаю, что взяла не ту сумку; деньги, документы и обратный билет остались у него, а возвращаться мне ужасно не хочется, и я вообще не знаю, как мне быть, он очень меня обидел.

– Эх, молодость, – вздохнул официант. – Я тоже, когда был молодой, горячий был – страсть! Ничего, помирись.

– Я не могу с ним помириться, – пробормотала я, думая о Денисе.

– Утро вечера мудренее, – важно ответил мой собеседник. – Только тебе, наверное, надо где-то переночевать?

Я призналась, что только об этом и мечтаю, а наутро видно будет, что делать. Официант задумался.

– У тебя тридцать евро найдется? – спросил он. – Тут на соседней улице есть один отель... ну, не совсем отель, а гостиничка, в основном для молодежи.

– Хостел?

– Да, и я знаю людей, которые там работают. Они пустят тебя переночевать без документов. Только там очень скромно, никаких телевизоров, конечно. И удобства на этаже.

Я заверила моего собеседника, что нашим людям нипочем удобства на этаже и даже на другом конце Парижа, после чего он настоял, чтобы я допила кофе, наотрез отказался взять деньги и сказал что-то по-армянски полной женщине, которая подметала пол. Тут я с опозданием сообразила, что этот официант, скорее всего, и есть хозяин заведения.

Мы вышли в ночь и примерно через пять минут оказались возле хостела – совершенно неприметного заведения почти в таком же пятиэтажном доме, что и гостиница, в которой я недавно была. Мой ангел-хранитель поговорил с администратором, и тридцать евро перекочевали из моего кармана в бюро орехового дерева, после чего я получила замызганный ключ от администратора и пожелание удачи – от ангела.

– Ты на него не обижайся, – сказал он на прощание наставительно, имея в виду несуществующего парня, который меня обидел, – он просто дурак, что с тобой поругался.

– Спасибо вам, – искренне сказала я. – За все.

И вот я в своей клетушке. Дверь закрывается на один оборот, и я внезапно осознаю, насколько все это убого – тонкие картонные стены, обшарпанная кровать и розетка, которая вот-вот вывалится из стены. Разве о таком Париже я мечтала? Разве...

Я села на кровать. Сумку поставила рядом с собой поверх покрывала, но, очевидно, она и я – понятия несовместимые. Поэтому я переставила ее на пол, поставила локти на колени и уперлась подбородком в ладони. Часов у меня нет, поэтому я не смогу точно сказать, сколько времени я провела в этой позе.

Надо было что-то делать. Я поглядела на левое запястье и увидела треклятую татуировку. Кроссовки по-прежнему болтались, но я уже успела к ним привыкнуть и почти не обращала на неудобство внимания. Об одежде я и вовсе забыла.

Потом зашебурилась парочка за правой стеной. Парень, судя по всему, изображал из себя Казанову, а девушка, как могла, поддерживала его в этом заблуждении. Они поругались, помирились, слились в экстазе, разлились и снова начали ругаться. Когда мне надоело слушать их возню, я решила – взяла сумку и открыла ее. Пистолет я нашла сразу, он так и лежал сверху, а вот резинка для волос завалилась куда-то вглубь. Я почти пожалела об этом: волосы то и дело лезли мне в лицо, и я все время закладывала их за уши.

Я положила пистолет подальше от себя, словно он был змеей, готовой меня укусить, и принялась копаться в сумке. Не знаю, что я рассчитывала там найти, но, пожалуй, даже атомная бомба не очень бы меня удивила. Правда, я надеялась, что каким-то чудом туда угодили документы владельца, по которым я выясню, как зовут эту сволочь.

Документы там и впрямь нашлись, только совсем не такие, как я ожидала.

Это был паспорт. Старый, засаленный и довольно-таки потрепанный. Очевидно, его не слишком жаловали, но я – я-то желала увидеть его больше всего на свете. Трясущимися руками я открыла книжицу.

Глаза запрыгали по строчкам на незнакомом языке. Это не французский и не английский, которые мне знакомы, но вот буква «п» с волнистой чертой наверху – достояние испанского. А поскольку во всех паспортах мира указываются примерно одни и те же сведения, то вычислить, о чем идет речь, зная к тому же близкородственный язык вроде французского, – плевое дело.

Итак, у меня в руках паспорт верноподданного (ой) испанского короля по имени...

Я не поверила своим глазам. Я сглотнула и поглядела на пистолет, словно он мог мне чем-то помочь. Пистолет, ясное дело, и ухом не вел. Я снова уставилась на выцветшие строки.

Подданную звали Вероника-Мерседес-Анхела Ферреро. Она появилась на свет в 1979 году, то есть на шесть лет раньше меня. Но самое скверное, что у этой милосердно-ангельской особы («Мерседес» – милосердие, «Анхела» – производное от «ангела») оказалось мое лицо. Об этом убедительно свидетельствовала вклеенная в паспорт фотография – старая, но достаточно четкая.

Это я. Мои глаза, мой нос, мой рот. Глаза, пожалуй, почти: я бы никогда не сумела взирать на мир с таким хладнокровным прищуром, как это делала сеньорита Ферреро. Видя такие глаза, хочется выцарапать их ногтями.

Так вот почему администраторша так уверенно заявила, что я, а не кто-то другой приехала за вещами! Вот почему Ксавье опознал меня как Веронику Ферреро – потому что я была ее двойником, точнее, кое-кто позаботился сделать все, чтобы я им стала.

Если бы меня взяли с этой сумкой, этим пистолетом, который, несомненно, принадлежал ей, и особенно – этим опасным документом, удостоверяющим мою личность, мне бы настал конец. Конечно, я бы в конце концов сумела доказать, что я не та, за которую меня выдают, но для этого мне пришлось бы затратить немало усилий.

Но постойте, почему же «взяли»? Так ли уж обязательно попадаться живой тем, кто меня ищет, – а их должно быть немало, поскольку я личность весьма опасная? Скажем, происходит небольшая автокатастрофа. Или меня сбивает машина, и, как назло, насмерть, или происходит другой случай, более или менее несчастный. Жертва малость изуродована, но более чем узнаваема. Татуировка, одежда, прическа, пистолет, паспорт, наконец...

Никто не знал меня в Париже, кроме Дениса. Никто не смог бы опознать меня с уверенностью. Я была чужая, а чужой – это еще хуже, чем никто. Поэтому они – эта Вероника и ее сообщник – убили моего спутника, захватили меня, переодели в ее одежду, не забыли

и о фирменном опознавательном знаке – татуировке, где витиеватые буквы легко складывались в слова: «Nemo me impune lacessit». Черт возьми, да это же латынь! И что значит эта надпись? В университете я, конечно, изучала латынь, но...

С немо все ясно – это «никто», ме – «мне» или «меня». С impune дело обстоит сложнее, но на подмогу приходит французское impunément – «безнаказанно». Никто меня безнаказанно...

«Никто не тронет меня безнаказанно» – не больше и не меньше. О-о, такой девиз многое говорил о его обладательнице! Во всяком случае, ничуть не меньше, чем паспортные данные.

Интересно, кто делал татуировку. Судя по всему, это был профессионал, а если так, то не исключено, что у парочки – террористки и ее приятеля – был сообщник. Если же это оказался человек со стороны, то он, скорее всего, валяется теперь с перерезанным горлом. Что дальше? Дальше, допустим, сеньорита занялась убитым, а блондин в сером костюме погрузил меня в багажник и поехал туда, где предполагалось устроить инсценировку ее гибели. То есть я погибла бы по-настоящему, а Вероника Ферреро, само собой, нет.

Да, эти двое здорово все рассчитали, не предусмотрели они только одного: что двое угонщиков украдут машину и обнаружат меня.

Если рок существует, то он определенно на моей стороне, и, поняв это, я немного повеселела. А пока...

«Если не можешь ничего сделать, сделай хоть что-нибудь», – сказала я себе. Раз уж у меня была сумка этих мерзавцев, нелишне было бы до конца разобраться с ее содержимым.

Нырнув в сумку, я выудила оттуда в следующем порядке:

- а) шелковый шейный платок весьма изысканной работы;
- б) карту Парижа;
- в) открытую пачку тампонов (я не шучу);
- г) выключенный мобильный телефон без сим-карты и зарядное устройство для него;
- д) футляр для солнцезащитных очков;
- е) сами очки (разбились, возможно, тогда, когда меня укладывали в багажник);
- ж) расческу;
- з) зеркальце в изящной оправе;
- и) маленький флакончик туалетной воды, причем дорогой и отменного качества;
- к) женские ботинки типа армейских и
- л) хотите верьте, хотите нет – толстенный том сочинений товарища Ленина на испанском языке. Он-то и оказался тяжелее всего, и именно из-за него мое бедное плечо так ныло.

Честно, я очень люблю книги (и не только детективы), но с этой я поступила жестоко, прямо-таки варварски. Я выдрала все страницы из переплета, отправилась в туалет и с садистским наслаждением мелкими порциями спустила половину в унитаз. Вторую половину я уничтожить не успела, потому что то ли сбоку, то ли снизу, то ли сверху раздалась протестующие вопли кого-то, кому шум воды в бачке мешал спать. Вернувшись в свою конуру, я забросила переплет и оставшиеся страницы за кровать. Там лежал толстый слой пыли, и я была уверена, что Ленина не обнаружат вплоть до второго пришествия.

Больше в сумке ничего не оказалось, кроме резинки для волос, о которой я уже говорила и которая сквозь дырку провалилась в боковой карман. Разбитые очки я положила в футляр и сунула под кровать. Карту, тампоны, мобильник, расческу, зеркало, туалетную воду и ботинки я пока оставила, решив, что они еще могут мне пригодиться.

Что же до платка, то у меня просто руки чесались изодрать его ну в очень мелкие клочки, но он был такой красивый – пестрые бабочки порхали по бирюзовому полю, – что я сжалась. Я пощадила платок, решив, что использую его, чтобы удавить им мадемуазель Ферреро при встрече, хотя и сомневалась, что она позволит мне это сделать.

Я храбрилась, подбадривая себя всякими глупостями, а на самом деле мне было страшно. Потому что если такая, как эта Вероника Ферреро, убийца до кончиков ногтей, идет на подобные меры, чтобы скрыться от кого-то, это значит, что она сама его до смерти боится. И если этот неведомый некто вдруг решит, что я – это она, и каким-то образом выйдет на меня, мне придется туго. И даже очень...

От этой мысли холодок пополз у меня вдоль позвоночника. Я одна. У меня нет друзей. У меня нет документов, удостоверяющих мою личность. Мне не к кому обратиться. Денег, которые есть у меня, надолго не хватит. Один человек уже узнал меня – то есть ее, Веронику Ферреро. Что, если она числится в розыске? Если ее портрет помещен во всех газетах? Люди слепы и частенько не видят того, что творится у них под носом, но нельзя же ходить по такому городу, как Париж, и надеяться, что все окажутся слепыми.

Мне стало не по себе. Я отвернулась – и тут заметила пистолет, о котором совсем забыла. Оружие. Настоящее оружие, которое может защитить... в случае чего, хотя я предпочитала не думать об этом.

Я постаралась вспомнить все, что знала о пистолетах, все, что читала в моих любимых детективах и видела в кино. Когда хочешь убить кого-то, целишься и нажимаешь на спуск. Еще: в этом случае пистолет должен быть снят с предохранителя, который служит для того, чтобы ненароком не всадить пулю в себя или в кого-нибудь другого. Обойма вставляется через рукоятку – это я видела в каком-то фильме. Отработанные гильзы отлетают в сторону через особое отверстие.

Я взяла пистолет Вероники в руки. Взвесила его на ладони, следя на всякий случай, чтобы дуло было направлено от меня. Потянула за предохранитель – он подался так легко, что я даже удивилась. Я мгновенно испугалась, что треклятая пушка выстрелит у меня в руках, и вернула предохранитель в прежнее положение. Внимательно оглядела рукоятку, держа пальцы подальше от спускового крючка. Кажется, я нажала на что-то, и обойма сама выпала на пол, к моим ногам.

Я подобрала ее. Она была пуста.

* * *

И вот теперь я лежу в одежде с чужого плеча на кровати поверх тонкого покрывала и думаю. Бесполезный пистолет, паспорт и остальные вещи вновь сложены в сумку, обмякшую на полу на расстоянии вытянутой руки от меня.

Я прокручиваю в памяти весь этот день, навсегда канувший в небытие. Пытаюсь воскресить последние слова, которые я сказала Денису, когда он был жив, и не могу. Впрочем, наверное, это уже неважно.

Инспектор Миртиль расследует его убийство, и инспектор Миртиль его раскроет, верьте мне. Это я знаю совершенно точно.

Что до меня, то я отправлюсь в наше посольство и объясню им все. Мне могут не поверить, но это уже мое дело – представить им убедительные доказательства. Если Вероника Ферреро читает Ленина по-испански, то по-русски она уж точно не говорит. Значит, эту игру она мне не испортит.

Уже светает, а между тем мне хочется спать. Знаю, что это глупо, но я поступаю точь-в-точь как в кино: зажигаю дверь какой-то тумбочкой и сладко зеваю, свернувшись калачиком. Мне просто необходимо отдохнуть. Я измотана до предела. В общих чертах я воссоздала головоломку и не сомневаюсь, что сделала это правильно. Единственное, чего я пока не знаю, – это кого и почему так боится Вероника Ферреро. Службу Французской безопасности? Так сеньорита легко может уехать за пределы страны, и начхать на секретные службы, как она, я уверена, уже не раз делала. Кого-то, кто имеет на нее зуб?

И вдруг я вспоминаю. Что там говорил Ксавье? «Принц смылся». Принц!

Утро. Журнальный киоск. Кричащие обложки.

«Новые подробности побега Принца! Сенсационное исчезновение знаменитого террориста!»

Вот оно, значит, что.

До завтра, Принц. Завтра мы тобой займемся. А пока – спать.

Я погружаюсь в сон.

Глава седьмая

Существуют две разновидности жизни: ваша собственная и жизнь других.

Сан-Антонио. Стандинг, или Правила хорошего тона, введение

Девять дней тому назад. Засекреченная часть тюрьмы где-то в окрестностях Бордо.

– Я надеюсь, вы знаете, что делаете.

– Не сомневайтесь в этом, месье Саразен.

Собеседников, томившихся на площадке в ожидании лифта, который доставит их под землю, к камере номер двести три, где находился Самый Главный Узник, было двое. Первый, которого звали Саразен, занимал важный пост в службе Французской безопасности. Второй, едва достававший ему до плеча и сильно смахивающий на сушеную селедку, облаченный в синий отутуженный костюм и старомодные очки, – человек чересчур знаменитый в определенных кругах, чтобы называть его имя. Скажем только, что его должность обязывала Саразена, начальников Саразена и начальников начальников Саразена относиться к Селедке с почтением, что они и делали, хотя и скрепя сердце.

Лифт подошел, и Саразен с вежливым жестом пропустил собеседника вперед. Самому Саразену было слегка за сорок, и самой примечательной деталью его внешности являлся совершенно голый череп довольно красивой формы. Не то чтобы Саразен был лыс, как помидор, – нет, он принципиально брился наголо, отлично зная, что иных людей в наше время безволосая голова шокирует похлеще голого зада. По натуре Саразен был провокатором, и служба в безопасности только развила в нем эту черту характера. Сам он представлял собой типаж, который любят изображать киношники в крутых фильмах о полиции и спецслужбах, но, когда вы встречаете его в реальной жизни, вы просто диву даетесь, как он ухитрился дожить до своих лет, когда буквально у каждого, кто с ним сталкивался, руки чешутся убить его уже через пять минут общения. У честных граждан методы Саразена вызывали отвращение, за глаза его нередко называли виртуозом подлости, но его это вполне устраивало. Что бы о нем ни говорили, он был хорошим служащим, то есть любил свою работу и ненавидел террористов; а раз так, не было никакой причины церемониться с ними. Он и не церемонился. Синий Костюм намеренно докладывал о нем министру в таких выражениях: «Да, Саразен малость жестковат, но нам нужны такие, как он». Саразен был хладнокровен, бесстрашен, изобретателен и неутомим. Ему нередко поручали самые грязные дела, зная, что он справится с ними – не в два счета, но справится, приложив все усилия, и не будет при этом тянуть время и отрываться ничего не значащими отговорками. В своем роде Саразен был незаменим и знал это.

Селедка чинно прошествовала в стальную кабину. Жаль, спутнику не довелось увидеть выражение лица Саразена, изменившееся, едва он повернулся к собеседнику спиной. У Саразена были довольно приятные черты – орлиный нос, красиво очерченный рот, черные, глубоко посаженные глаза, у наружных краев которых уже начали собираться гусиные лапки морщин, – но теперь черты эти исказило самое настоящее бешенство. Впрочем, оно тотчас же исчезло, стоило Костюму вновь обратить к Саразену свое усталое лицо, на котором красовались массивные очки в роговой оправе. Саразен улыбнулся, не разжимая губ, вошел в лифт, и кабина плавно ухнула вниз.

– И все же я считаю, что это безумие, – резко сказал Саразен. – Что, на военной базе его будут охранять лучше, чем здесь? Вздор!

– Мой дорогой Саразен. – Костюм снял очки и аккуратно протер стекла, после чего водрузил их обратно на нос. – Вы говорите, не зная всех обстоятельств.

– Какие еще обстоятельства, черт по... – начал Саразен, но тут дверцы распахнулись, и они вышли. Перед ними открылся коридор, забраный стальной решеткой. Костюм достал из кармана карточку с магнитной полосой и вставил ее в щель считывающего информацию замка. Судя по всему, здесь не очень жаловали незваных посетителей. Где-то прогудел короткий сигнал, и решетка взмыла вверх. Когда Саразен и его спутник вошли, она мгновенно опустилась за ними.

– Принца пытались похитить, – сообщил Костюм вполголоса, когда они шли по коридору.

– Когда?

– Это неважно, – безмятежно отозвался Костюм. – Они начали рыть подкоп, приготовили взрывчатку, чтобы освободить его, но она им не понадобилась. Наши люди сработали четко. Поэтому министр и отдал приказ перевезти его.

Саразен закусил губу. На его выразительном лице застыло недоумение.

– Подкоп, взрывчатка, чушь какая-то! – фыркнул он. – Чего бы они добились здесь с их помощью? Вы допрашивали этих людей? – спросил он внезапно.

– Не успели. Поняв, что их раскрыли, они взорвали себя.

– Им повезло, – проворчал Саразен.

Селедка метнула на него заинтересованный взгляд.

– Я знаю, вы сторонник смертной казни, Саразен.

Он повел плечом.

– Воля ваша, месье, но с террором можно бороться только методом террора. Вспомните хотя бы Робеспьера – с какой легкостью он отправил тысячи людей на гильотину во время революции, пока его самого туда не спровадили. И поделом!

Синий костюм помрачнел: он терпеть не мог, когда Саразен разговаривал в таком тоне. Кроме того, историю Костюм ненавидел еще со времен школы, где ее преподавала некая мадемуазель Бено, тощая и угрюмая старая мегера, ужас перед которой он пронес через все детство. Ведь даже самые важные чиновники когда-то были детьми.

– А ведь это может быть уловка, – внезапно заметил Саразен, когда они завернули за угол.

– Что?

– Уловка. Чтобы заставить его перевезти, а они перехватят его по дороге. Логично?

Селедка кисло улыбнулась.

– По-моему, у вас разыгралось воображение, Саразен.

Саразен неожиданно остановился и схватил Костюм за рукав.

– Послушайте. Вы же знаете, я никогда ничего не просил для себя. Я хочу его сопроводить. В фургоне. Довезу его до военной базы и сдам с рук на руки. В конце концов...

– Нет.

Селедка нашла-таки в себе силы, чтобы стряхнуть с рукава цепкие пальцы Саразена.

– Нет, – повторила Селедка, глядя ему прямо в глаза.

На мгновение у нее мелькнула мысль, что Саразен вот-вот забудется и своими цепкими пальцами вцепится в ее селедочное горло, чтобы заставить ее передумать. Однако она плохо знала Саразена. Он пересилил себя и улыбнулся по-змеиному.

– Воля ваша, – проскрежетал Саразен.

– Не бесчинствуйте, – одернул его Костюм. Он был в досаде на себя за собственный страх. – Я взял вас с собой только потому, что мы помним, чем вам обязаны. Формально вы не имеете никакого отношения к этому делу.

И, проявив выдержку, Костюм зашагал вперед. У двери, смахивающей на дверь какого-нибудь сейфа в швейцарском банке, стояли два человека с автоматами.

– Ну, конечно, – шипел ему в спину Саразен, – я тут ни при чем, я вообще ни при чем. И на эту... – он грязно выругался, – Веронику Ферреро вышел не я, и сдать Принца убедил не я. Я так и знал! Еще тогда, когда вы, умники, планировали все это дерьмо, понимая, что я наверняка прихлопну эту сволочь, если он мне попадется... А вам нужны были газетные заголовки, слава, вся эта гребаная шумиха, и вы послали туда эту... – Тут он отборным матом покрыл полковницу, мать двоих детей и кавалера ордена Почетного легиона в придачу.

Костюм ускорил шаг. Зря он взял с собой этого помешанного, зря! Ведь он ненормальный, это же ясно. Как пить дать. Не связывайтесь с безумцами, граждане... Но конвоировать Принца он ему не даст. Этим делом займется его, Костюма, собственный племянник. Хороший мальчик, сообразительный. Наверняка ему дадут награду за это. Все-таки Принц, не какой-нибудь там...

– А кончится тем, что судить его отдадут англичанам за его лондонские проделки, – хрипел где-то сзади Саразен, ненавидевший заморских соседей еще со времен Столетней войны. Но Костюм уже не слушал его.

За дверью сейфа открылся еще один коридор, в конце которого оказалась другая охраняемая дверь, и уже за ней обнаружилось довольно неприглядное помещение со стенами, окрашенными в тускло-коричневый цвет. В помещении находилось человек семь, но Саразена интересовал только тот, кто сидел на скамье, скованный по рукам и ногам, и, свесив руки между колен, рассматривал что-то на полу. Завидев его, Саразен весь ошетинился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.